

**ТОТ САМЫЙ
ОВЧИННИКОВ,**

или

Невозмутимое
бесстрашие

2018



**ТОТ САМЫЙ
ОВЧИННИКОВ,**

ИЛИ

**НЕВОЗМУТИМОЕ
БЕССТРАШИЕ**

Составитель и редактор
Георгий Ефремов (Юра Збарский)

Благодарю тех, кто нашёл время, силы и решимость внимательно отнестись к этому проекту, всячески поддержал его и внёс необходимые поправки, а также дополнения в черновой макет; особенно:

Татьяну Акивис
Елену Барбараш (Владимирову)
Елену Голенко (Сморгонскую)
Владимира Гурвича
Евгению Завелович
Виталия Задермана
Владимира Каплуна
Александра Ковальджи
Александра Колчинского
Анатолия и Юлию Левиных
Вячеслава (Виктора) Локуциевского
Геннадия Лубяницкого
Сергея Недоспасова
Нину Нетребко (Юзбашеву)
Ирину Павловскую
Николая Пахомова
Михаила и Юлию Розенманов
Владимира Резника
Владимира Рока
Александра Ташкинова
Наталью Тетерину
Валерию Тихомирову
Виктора Тумаркина
Наталью Фейгельсон
Якова Хейфеца
Андрея Цатуряна
Бориса Черкасского
Алексея Черноуцана
Андрея Черняка
Владимира Эфроимсона

Взрослеем не только мы, но и наши мечты...

Вл. Ф. Овчинников

Этот пунктирный текст – наивная и вряд ли успешная попытка найти ответ на два неотступных вопроса: откуда берутся такие люди? Как такими становятся?

Мне долго не удавалось (наверное, так и не удалось) отыскать нужную форму, верную интонацию для изложения множества приводимых событий, дат, сведений и соображений. В итоге я выбрал жанр воображаемого интервью, где полудостоверные вопросы перемежаются вполне достоверными, реальными ответами. Кроме того, я использовал письменные и устные рассказы, отзывы, суждения о Владимире Фёдоровиче, которыми делились его друзья, ученики и коллеги. В основу этого рассказа легли мои немногочисленные и непродолжительные беседы с нашим любимым Шефом, первая из которых состоялась в марте 2011 года, а последняя – 12 ноября 2015-го. Книга снабжена отрывочным хронологическим комментарием.

Хотелось без досужего пафоса обозначить некоторые ключевые моменты, точки преткновения, сроки (дни, годы), в которые совершался неуминуемый выбор. Совершался не только нашим героем – но и обществом, временем, страной. Не знаю, получилось ли у меня из этого хоть что-нибудь...

Георгий Ефремов



*

Владимир Фёдорович Овчинников (родился 4 октября 1928 года в Москве), закончил исторический факультет МГПИ имени Ленина (1951), получил направление в Калугу, где преподавал историю в средней школе № 3, затем работал в Калужском обкоме ВЛКСМ, позднее в аппарате ЦК ВЛКСМ, директор школы рабочей молодёжи № 48 (в 1954 – 56 гг.), директор московской школы-новостройки № 2 (1956 – 1971), где в начале 60-х годов появились два физико-математических класса, а затем школа стала полностью физико-математической. В 1970 – 71 учебном году школа № 2 привлекла повышенное внимание партийных органов и подверглась «проверке на соответствие» идеологическим установкам КПСС, по итогам которой В. Ф. Овчинников был уволен. Преподавал историю в школах № № 45, 57, 31, директор Всесоюзной заочной многопредметной школы (с 1964-го поныне), директор Государственного лицея «Вторая школа» (с марта 2001 года поныне).

Международный биографический центр (Кембридж, Великобритания [The International Biographical Centre, Cambridge, UK]) внёс имя Владимира Фёдоровича Овчинникова в список людей, чьи заслуги в области образования признаны мировым сообществом.

1928

(тысяча девятьсот двадцать восьмой)

год по григорианскому календарю – високосный, начинающийся воскресеньем. Это 8 год 3-го десятилетия века, 9 год 1920-х. Год Дракона по китайскому гороскопу.

7 января – первый полёт аэроплана У-2 («Кукурузник») конструкции Н. Н. Поликарпова.

19 января – советская печать сообщает о том, что 30 оппозиционеров, включая Троцкого, отправлены в ссылку.

21 апреля – Аристид Бриан предложил проект международного договора, объявляющего войну вне закона.

18 мая – 6 июля – Шахтинский процесс. Начало наступления на старых специалистов в СССР.

25 мая – 12 июля – эпопея «Красной палатки»: катастрофа дирижабля «Италия» в Арктике, поиски и спасение оставшихся в живых членов экипажа.

4 – 12 июля – пленум ЦК ВКП(б), на котором Сталин выступил с речью «Об индустриализации и хлебной проблеме». «Правые» (Бухарин, Томский, Рыков) резко критиковали экономическую политику Сталина за отказ от продолжения НЭПа.

12 августа – в Москве открыт Центральный парк культуры и отдыха им. М. Горького.

6 сентября – СССР присоединился к пакту Бриана-Келлога о разрешении международных противоречий мирным путём.

4 октября (21 сентября по ст. ст.) , четверг: Луна убывающая, продолжительность дня 11 часов 11 минут. Длина ночи 12 часов 49 минут. Знак зодиака Весы.

В СССР запрещена продажа рождественских ёлок как религиозного пережитка.

Москва.

И не только

*

Расскажите хоть что-нибудь о малой родине, детстве, отрочестве.

Место моего рождения – переулок прямо рядом с Пушкинской площадью... Вот выскочило название из головы. Он соединяет теперешнюю Тверскую с... как же она сейчас называется... где театр Ленинского комсомола... Была она улицей Чехова... А, вот: Малая Дмитровка. А переулок этот – Настасьинский переулок. Так что моя малая родина – Настасьинский переулок; какое-то время семья там прожила, а потом переехали, году, наверное, в 32-м, в Лаврушинский. Там, в Замоскворечье, я себя уже помню, там я дорос до школьных лет и пошёл в первый класс. Я учился в 12-ой школе. Это была начальная для меня школа... Помню, как ни странно.

Я левша был и есть, и учительница, очень симпатичная, мне привязывала левую руку полотенцем... Тогда переучивание левшей было обязательно. А классы были огромные, потом она отходила, я руку вытаскивал, оставляя полотенце на одежде, и таким образом спасался от этого требования. А потом на Лаврушинском переулке открылась школа № 1. Почему-то (не знаю, почему) нас туда перевели, она располагалась... не скажу сейчас, чей это был до революции дворец, но теперь там находится педагогическая библиотека [научная педагогическая библиотека имени К. Д. Ушинского, Большой Толмачёвский переулок, 3, «демидовская усадьба»].

А мама Ваша, Нина Алексеевна, кто она была?

Дело в том, что мама была последней дочерью в многочисленной, в смысле детей, семье. В семье вполне обеспеченной... Они жили в Казани, и мамин отец, дед мой, был даже предводителем дворянства. А она была последней и сумела только закончить гимназию, а дальше уже, в институт она не попадала по социальному происхождению. Она получила хорошее гимназическое образование, но не могла рассчитывать на ВУЗ. А сёстры её были врачами, все... Нет, одна работала в Казанском университете, самая старшая, а две другие были докторши... Работали они в Ярославле. А мама, она как-то ухитрилась освоить машинопись и стенографию и работала где-то там чуть ли не правительственной стенографисткой, со слуха печатала на машинке, и в этом смысле была хорошим специалистом... А отец, Фёдор Васильевич, сумел получить высшее образование, он закончил... как это называлось... институт красной профессуры. Получил инженерное образование. Он был как раз из такой семьи, которая ладила с советской властью, семья была, – как бы это теперь сказать: прогрессивная? или наоборот?.. Ну, словом, он даже был красногвардейцем в 18-ом году. Это была военная организация, предшественница Красной армии. А его старшая сестра была во время гражданской войны комиссаром, всю войну провела с оружием в руках... Я видел её фотографии, там она в кожанке, перепоясана пулемётными лентами, всё – как в героических фильмах потом изображалось. К концу гражданской войны у неё была уже открытая форма туберкулёза, её смотрели врачи (один такой врач был мужем одной из маминых сестёр) и дали ей очень короткий жизненный срок, приговорили к очень недолгой жизни: можно сказать, определили от полугода до года, не дольше... А мой дядька был земским врачом, довольно известным, потом его посадили, понятное дело, так

вот он пытался её лечить какими-то народными средствами, по-моему, даже собачьим жиром, если я не путаю теперь. И сказал: единственный шанс – попытаться получить квартиру или комнату где-нибудь в Крыму, как можно ближе к Никитскому ботаническому саду, и это может её на какое-то время спасти... И это удалось, она получила в Крыму комнату и дожила до пятидесятих годов. Всё это как-то действовало.

И я каждое послевоенное лето проводил у неё в Ялте. И даже будучи студентом – тоже приезжал. Мы с ней дружили. А родители, мать и отец, они скрывали мамино происхождение, а то б и ему не поздоровилось, не приняли бы в институт красной профессуры, да и для неё это было небезопасно... Я об этом всём узнал уже после войны.

Кем Вы хотели быть в детстве?

Мне трудно ответить на этот вопрос, потому что моё детство совпало с войной. Когда она началась, я был в пятом классе. А потом как-то сразу стал почти взрослым. Война очень рано делала людей взрослыми, и выросли не только мы, но и наши мечты. Я работал какое-то время слесарем-мотористом на авиационном заводе. И мечтать было, в общем, некогда...

Вы рассказывали, что во время войны жили в Самаре (тогда это был город Куйбышев), там отец строил дорогу; а мама работала? Какой быт у вас там был, как там жилось?

Отец работал инженером, какая конкретно была должность, я не знаю, не помню... Но семья, – нельзя сказать, что голодала, как это было со многими. Боюсь те-

перь соврать, но, по-моему, мама не работала. Всё-таки на руках была младшая сестра. Она родилась 1 апреля 41-го года. И наверняка матери было не до работы, невозможно это было. Семья постоянно снимала жильё... Тут уж ничего не сделаешь.

Когда меня спрашивают о моём образовании, я всегда говорю: 5 классов. Ну 7... И что это за образование? Я начинал учебный год в одной школе, в одном городе, а продолжал уже в другой местности, потому что Управление этого строительства – оно всё время двигалось из-под Куйбышева, от Самары, то есть, к Сталинграду. Ну и мы тоже вынуждены были передвигаться, и я оказывался в другой, подчас, сельской школе, иногда очень слабой. В Самаре была хорошая школа, но я там недолго проучился. Так что о моём систематическом образовании говорить никак нельзя. Закончил семилетку, получил соответствующее удостоверение... Ну и потом, конечно, должен был нагонять, образование было ни к чёрту.

Потом вернулся из эвакуации мой приятель, ещё с довоенных лет... даже два друга вернулись. И мы пошли в авиационный техникум. Но нам показалось, что там совсем уж плохо. И я поступил в институт стали, на подготовительное отделение. И попал в довольно сложное положение...

Как-то в интервью промелькнуло, что Вы сбежали на фронт. А как Вас поймали и вернули?

Видно же было, что едут мальчишки... Если бы на нас форма была хоть какая-то, тогда труднее было бы распознать, определить. А мы-то были одеты во всё разное, в домашнее... Ехали мы на поезде. Не в эшелоне, а в пассажирском составе... Вот нас и прихватили. Мы тогда поняли, что это дело безнадежное. Хотя по тем време-

нам – вполне даже обыкновенное. Было множество детей-сирот, которых эвакуировали из западных областей, детские сады там и прочее-прочее... Ну и попадались такие, как мы, лихие головы.

1941

(тысяча девятьсот сорок первый)

год по григорианскому календарю – невисокосный, начинающийся в среду. Это 1 год 5-го десятилетия XX века, 2 год 1940-х.

14 апреля – геолог Татьяна Устинова и её проводник Анисифор Крупенин открыли Долину гейзеров на Камчатке.

27 апреля – немецкие войска вошли в Афины.

6 мая – Иосиф Виссарионович Сталин стал Председателем Совета Народных Комиссаров СССР.

10 мая – Рудольф Гесс, заместитель фюрера по партии, тайно перелетел на истребителе в Шотландию. Обстоятельства и цели «миссии Гесса» до сих пор полностью не выяснены.

13 июня – ТАСС выступило с заявлением, опровергающим слухи об ухудшении советско-германских отношений.

22 июня. Немецкие войска атаковали границы СССР. Началась Великая Отечественная война. В 12.00 с речью о начале войны выступил нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов.

23 июня – немецкими войсками взят город Вильнюс.

24 июня – сообщения о военных действиях стало давать Совинформбюро.

25 июня – Финляндия объявила войну СССР.

30 июня – немцы заняли Львов.

3 июля – И. В. Сталин обратился к советскому народу по радио.

19 июля – Сталин возложил на себя обязанности Народного комиссара обороны СССР.

28 августа – издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», положивший начало массовой депортации советских немцев из Европейской части СССР за Урал и ликвидации АССР немцев Поволжья.

4 сентября – германская армия начала артиллерийский обстрел Ленинграда.

18 сентября – в ходе битвы за Киев немецкие танковые группы замыкают кольцо вокруг армий советского Юго-Западного Фронта.

19 сентября – пал Киев.

29 сентября – начало массовых расстрелов в Бабьем Яру в Киеве.

7 октября – немецкие танковые группы замкнули кольцо окружения войск Западного и Резервного фронтов РККА в районе Вязьмы. Число пленных в котлах под Вязьмой и Брянском составило более 688 тыс. человек.

15 октября – принято решение об эвакуации Москвы. На следующий день начинается эвакуация государственных учреждений и иностранных посольств. Правительство СССР переезжает в Куйбышев.

25 октября – пал Харьков.

3 ноября – немцы заняли Курск.

12 ноября – температура в Москве упала ниже минус 10 °С. Красная Армия впервые применила лыжников для атак на замерзающие немецкие войска.

20 ноября – вермахт занял Ростов-на-Дону.

26 ноября – немецкие войска форсировали канал Москва-Волга и заняли Перемиловскую высоту в районе Яхромы. Это крайняя восточная точка наступления немецко-фашистских войск на Москву с севера.

5 декабря – начало контрнаступления советских войск под Москвой.

*

Вы предполагали, что станете учителем?

Никоим образом. В то время для демобилизующихся *молодых ветеранов войны* были созданы подготовительные отделения при многих вузах; ну, и я тоже пошёл, хотя не воевал и в армию не попал, поскольку возрастом не вышел. На подготовительном отделении за один год мы проходили курс трёх лет.

Наверное, сложно было?

Нагрузка была большая, даже очень, однако имелось в виду, что мы взрослые люди и отнесёмся к учёбе серьёзно; это был второй год введения испытаний на аттестат зрелости, городская комиссия принимала экзамены с невероятными строгостями. Тем не менее все мы перевалили через этот барьер, и я поступил в *Институт стали и сплавов* на литейное отделение, а потом понял, что это не для меня, это мне не нравилось, неинтересно было. И я, и многие другие первокурсники, демобилизованные ребята, перешли в Пединститут.

Там ведь вот какая история была... Подготовительное отделение, куда входила наша и другие группы, состояло на 80-90 процентов из демобилизованных фронтовиков. Эти отделения и созданы были для того, чтобы армейскими ветеранами пополнить курсы технических ВУЗов. В нашей группе было всего 2 человека (я и ещё один парень), которые не воевали в силу того, что... Ну вот, как я – недобрали один или два года.

Я вообще-то готовился к фронту: и внутренне, и вообще... Меня уже приписали к военному училищу, я и медкомиссию прошёл, и прочее... Мне сказали, что я уже в апреле-мае поеду в училище получать лейтенантские погоны... А тут – война закончилась, пошла демобилиза-

ция. И вот после довольно-таки лихих экзаменов, очень трудных, нас фактически приняли на первый курс. Чисто формально было объявлено, что мы проходим испытательный срок или что-то вроде этого... Но тут администрация института, похоже, совершила глупость: нас послали на несколько таких учебно-производственных экскурсий. Да, я, кажется, забыл отметить, что вся наша команда попала на литейное отделение. И нас послали на завод «Серп и молот», на экскурсию. И когда ребята посмотрели на это дело, постояли возле этих агрегатов, приняхались... И говорят: хватило нам дыму на фронте, мы его ещё тут будем глотать... И все разбежались. Очень многие пошли в пединститут на истфак, имея в виду, что кто-то уже состоял в партии, на фронте это было проще, кто-то готовился делать партийную карьеру. Тогда это было не то, чтобы престижно... но сулило некую свободу и обеспеченность... Ну а были и ребята такие патристичные... Словом, и я за компанию тоже пошёл на первый курс, а потом понял, что, во всяком случае, литейное дело – не для меня. Было это на Большой Калужской, там ещё Горный институт, а тогда, если встать лицом к этим зданиям, то посерединке был Горный, справа институт стали, а слева, по-моему, институт нефти. Год я проучился, а время было такое, что ко мне даже со старого места присылали гонцов: почему не хожу, лекции пропускаю и всё такое... Но я тогда уже, опять за компанию, пошёл в Пединститут.

А почему так вот кардинально, именно в Пед?

Не могу сказать, что в моей душе вдруг запылал педагогический факел, но показалось, что заниматься историей (а мы поступили на истфак) интереснее, и тогда это было, в общем, довольно модно и актуально, а потом уже появился некий вкус к педагогической деятельности. Такая вот непрямая дорога в педагогику.

Когда была практика в пединституте, вы в какой школе её проходили?

Такая была 23-я школа, на Усачёвке, хорошая школа с сильными учителями. По-моему, недавно из неё создали какой-то интересный лицей, кажется, гуманитарного направления.

А когда вы закончили, куда попали?

Я распределился в Калугу, в школу, но проработал всего только год, и потом меня едва ли не насильно забрали на работу в обком комсомола, где я проработал несколько лет...

Вы были такой ярый общественник?

Да, я в школе занимался общественной работой, меня заметили и перетянули. Я не хотел, потому что не знал, что это за работа. Позднее меня перевели в ЦК комсомола в отдел пропаганды. А потом я вернулся в школу, мне там лучше.

А в каких классах Вы преподавали, старших или младших?

Начиная с 7-го класса, я обнаружил склонность к работе со старшими. Ребята серьезнее, и с ними можно все проблемы глубже обсуждать. Мне с детьми всегда было интересно. Но, конечно, имелись определённые сложности с курсом истории того времени. История СССР, и не только СССР, была очень искажена, страшно политизирована. Я, в частности, из-за этого и перестал преподавать.

А когда в партию вступили?

В партию я вступил в Калуге... Помню, я в комсомол вступал на 4-м курсе института... Меня туда прямо заволокли. Тогда я был уже достаточно просвещён по части наших социальных и политических странностей...

Какой это год?

Это весна 1951 года. Или... Как же я запомнил... То ли меня в школе убеждали, что учителю истории положено быть членом партии, то ли... я ведь всего год проработал в школе. Оттуда меня взяли руководителем лекторской группы обкома комсомола. Тогда это 52-ой год. Это мне 23 – 24 года. Работать в лекторской группе мне нравилось, потому что ездили мы по колхозам, по сельской местности, по районным городам и читали лекции.

1952

(тысяча девятьсот пятьдесят второй)

год по григорианскому календарю – високосный, начинающийся во вторник. Это 2 год 6-го десятилетия XX века, 3 год 50-х.

12 сентября – правительство СССР выпустило постановление «О проектировании и строительстве объекта 627» (первой советской атомной подводной лодки).

19 сентября – в Минске пущен первый троллейбус.

5 октября – в Москве открылся XIX съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков; продолжался до 14 октября); партия переименована в КПСС .

16 октября – пленум ЦК КПСС сформировал Президиум Центрального Комитета КПСС, заменивший Политбюро ЦК ВКП(б).

1 ноября – Соединённые Штаты Америки на атолле Эниветок провели первое испытание водородной бомбы мощностью 12 мегатонн.

4 ноября – президентские выборы в США. Победу одержал кандидат от Республиканской партии Дуайт Эйзенхауэр.

31 декабря – оформлена протоколом передача от СССР к КНР Китайской Чанчуньской железной дороги, вскоре переименованной в Харбинскую железную дорогу.

*

Окуджава уже был там, в Калуге?

Нет, он появился позже. Хотя, нет... Был, был он уже там!

Скажите, а когда впервые вы услышали его песни? Много споров о том, когда именно он начал писать не стихи, а собственно песни.

Я о нём узнал странным образом. Я ещё работал в школе, значит, это был, скорее всего, 52-ой год. Я там вёл баскетбольную секцию, меня попросили поработать со школьниками... И мне ребята-старшеклассники на занятиях секции говорят: В. Ф. (я уже был собственной персоной Владимир Фёдорович, поскольку служил учителем!), к нам пришёл новый преподаватель, и прямо на первый урок он принёс гитару и пол-урока пел песни. И так здорово пел! И всё такое прочее... Ну, я просто стал узнавать, кто это может быть. И тогда впервые прозвучала эта странная для меня фамилия... Не думаю, что он пел им чужие песни. Значит, какие-то сочинения такого рода у него уже имелись. Они просто не были достаточно известны... Он недолго продержался в той школе, поскольку уроков фактически не давал, а человек был вполне образованный и не связывал своё будущее с педагогикой...

Знакомство наше, однако, продолжилось, потому что он снимал часть дома, а в другой части квартировала моя будущая тёща. И жена. Вот. И там образовался у меня довольно интересный круг. Туда ведь, за 100-ый километр, ехали выпускники институтов, которым было рискованно возражать против распределения. Это были дети врагов народа. Я к ним не принадлежал, но, как ни странно это было на чей-то взгляд, я тогда решил

не избегать жёсткого распределения: ну, съезжу в Калугу, погляжу, как там... И я оказался в компании таких вот ребят. Они мне доверяли, потому что... Мне с ними уже было, о чём поговорить, я был к тому времени достаточно осведомлён... Потому что будущая тёща каждый вечер усаживала меня рядышком и полночи рассказывала о следствии, об этапах, о лагере... Называлось это «1000 и одна ночь». Она-то сама была на Магадане, там, где сидели жёны выдающихся людей того времени, с кем расправился Сталин.

Так уж вышло, что ей я поверил больше, чем газетам и радио.

1953

(тысяча девятьсот пятьдесят третий)

год по григорианскому календарю – невисокосный, начинающийся в четверг. Это 3 год 6-го десятилетия XX века, 4 год 1950-х.

13 января – в Советском Союзе начались аресты по «делу врачей».

28 февраля – Фрэнсис Крик и Джеймс Уотсон сделали одно из главных открытий в истории биологии: установили строение дезоксирибонуклеиновой кислоты.

1 марта – начало вещания *Радио Свобода*.

5 марта – умер Иосиф Сталин.

9 марта – в Москве прошли похороны И. В. Сталина. Новым Председателем Совета Министров СССР по предложению Л. П. Берия назначен Г. М. Маленков.

27 марта – в СССР объявлена амнистия, в ходе которой освобождены около миллиона заключённых, в основном, уголовников.

3 апреля – в СССР прекращено «дело врачей».

3 мая – в Германии вышла в эфир радиостанция *Немецкая волна*.

29 мая – первое восхождение на Эверест шерпа Н. Тенцинга и новозеландца Э. Хиллари.

26 июня – в Москве арестован министр внутренних дел СССР, первый заместитель главы правительства СССР, член Президиума ЦК КПСС Л. П. Берия.

2 июля – в Москве открывается пленум ЦК КПСС, который обсуждает «дело Л. П. Берии». Завершён 7 июля.

27 июля – подписанием соглашения о перемирии завершилась Корейская война.

12 августа – в СССР произведено испытание первой советской водородной бомбы мощностью 400 килотонн.

7 сентября – Первым секретарём ЦК КПСС избран Н. С. Хрущёв.

23 декабря – в СССР завершён процесс по «делу Л. П. Берия». Берия расстрелян.

Заявление Советского правительства с предложением к США взять на себя взаимное *«торжественное и безоговорочное обязательство не применять атомного, водородного и другого оружия массового уничтожения»*.

*

***А когда вы с Ириной Григорьевной поженились?
Кто был её отец?***

Поженились мы в 54-м, уже не в Калуге, в Москве... А отец её был крупным инженером на верфи в Питере, известный в своих кругах конструктор-судостроитель... В 37-м году его замели и быстренько уничтожили... Он был совершенно, как мне рассказывали, аполитичный человек, и его не за что было карать, буквально не к чему придраться. Но – он был известным в Питере коллекционером стекла и фарфора. Он собирал, обычно, обломки – выискивал, покупал, клеивал. Как мне рассказывала будущая тёща, следовательно, который и с ней работал, несколько раз требовал, чтобы она сказала, куда подевалась коллекция. А коллекция была попросту украдена... Хозяина расстреляли, хозяйку забрали примерно через год, и няня-домработница всё это сокровище в мешках куда-то унесла. Бедолага-следователь ничего не обнаружил и не конфисковал. Такая вот была история...

С тестем-то я никак не мог познакомиться. А с Ириной мы узнали друг друга случайно... Мы жили в Москве почти по соседству: я в доме на Выставочном переулке, это теперь улица академика Петровского, а она жила на Донской (это перпендикуляр к нашему переулку) в доме, по-моему, номер 16. И мы довольно часто на 47-м трамвае ездили в пединститут... И она говорила, что давно меня среди пассажиров заметила...

Где же был пединститут, если туда ходил 47-ой трамвай?

На Малой Пироговке, где и теперь. А трамвай шёл туда и разворачивался где-то возле Новодевичьего кладбища. Зрительно я её помнил, но познакомились мы позднее, как-то вот так.

А как вы – после Калуги – снова оказались в Москве?

Меня перевели. В обкоме комсомола я проработал сравнительно недолго, и по какой-то причине ЦК комсомола потребовал моего перевода в аппарат ЦК.

А как вы попали в московскую школу?

Во-первых, мне хотелось вернуться в школу. Во-вторых, ЦК комсомола был учреждением довольно жёстким, связанным с госбезопасностью и всем прочим. И когда выяснилось, что я женился на девушке, у которой родители репрессированы, плюс она ещё и по национальности... не вполне подходит в супруги руководящему работнику ЦК комсомола, мне дали понять, что я персона нон-грата.

Вы что, совсем не боялись потерять место, замарать репутацию?

Ну, я был молодой и смелый и такими вещами пренебрегал.

А в какую школу вы попали?

Я сначала попал в школу рабочей молодёжи, тогда это был Ленинский район. Это была школа № 48, в которой предшествующие директора собрали интересных учителей, в основном пожилых, некоторых даже с гимназическим, дореволюционным опытом работы, и, собственно, не я учил их как директор, а сам учился у них уму-разуму. Вот это потом очень мне помогло. Но я там работал недолго, меня перевели во Вторую школу, в новостройку, у которой тогда ещё и крыши не было...

1956

(тысяча девятьсот пятьдесят шестой)

год по григорианскому календарю – високосный, начинающийся в воскресенье. Это 6 год 6-го десятилетия XX века, 7 год 1950-х.

14 февраля – начало работы XX съезда КПСС (закончил работу 25 февраля). На съезде был утверждён 6-й пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Принято решение о прекращении в СССР строительства паровозов и о широком внедрении тепловозов и электровозов.

25 февраля – секретный доклад Н. С. Хрущёва *«О культуре личности и его последствиях»* на заключительном заседании XX съезда КПСС с разоблачением преступлений И. В. Сталина.

9 марта – ввод в Тбилиси частей Советской армии, которые с применением танков и огнестрельного оружия подавили выступления горожан, требовавших отмены решений XX съезда КПСС, направленных против культа личности Сталина.

26 марта – создан Объединённый институт ядерных исследований в Дубне.

25 апреля – Указ Президиума Верховного Совета СССР *«Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятия или учреждения и за прогул без уважительной причины»*.

28 апреля – Указ Президиума Верховного Совета СССР *«О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов»*.

и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны», по которому эти народы снимались с режима спецпоселения и освобождались из-под административного надзора.

1 июня – освобождение В. М. Молотова от должности министра иностранных дел СССР. Назначение на этот пост Д. Т. Шепилова.

6 июня – постановление Совета Министров СССР *«Об отмене платы за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях СССР».*

14 июня – английские войска покинули зону Суэцкого канала (Египет).

28 июня – подавление выступления рабочих в Познани, сопровождавшееся человеческими жертвами.

30 июня – постановление ЦК КПСС *«О преодолении культа личности и его последствий».*

14 июля – принятие 5-й сессией Верховного Совета СССР 4-го созыва закона СССР *«О государственных пенсиях».* Предоставление (при определённых условиях) права на пенсию колхозникам.

26 июля – президент Египта Гамаль Абдель Насер объявил в Александрии о национализации Суэцкого канала. Начало Суэцкого кризиса.

15 августа – постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1127 *«О Ленинских премиях за наиболее выдающиеся работы в области науки, техники, литературы и искусства».* Возрождение существовавшей в 1925–1935 гг. практики присуждения ежегодных премий имени В. И. Ленина как одной из высших форм поощрения граждан за достигнутые успехи.

8 сентября – постановление Совета Министров СССР, ЦК КПСС и ВЦСПС *«О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим»*.

10 октября – с конвейера Горьковского автозавода сошла первая партия автомобилей ГАЗ-М-21 «Волга».

16 октября – начало волнений в высших учебных заведениях Венгрии.

19 октября – начало работы VIII пленума ЦК ПОРП. Избрание первым секретарём ЦК ПОРП Владислава Гомулки.

23 октября – начало Венгерского восстания 1956 года (в советской историографии – «контрреволюционного мятежа»).

24 октября – 400-тысячный митинг в Варшаве; Владислав Гомулка выступает с речью о десталинизации.

28 октября – редакционная статья органа ЦК ВПТ «Сабад неп», объявлявшая события в Венгрии «национальным и демократическим восстанием».

Роспуск Имре Надем органов госбезопасности Венгрии.

29 октября – в ходе Суэцкого кризиса Израиль ввёл войска на принадлежащий Египту Синайский полуостров.

Советская армия выведена из Будапешта.

30 октября – опубликована Декларация правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами.

Имре Надь объявил о ликвидации в Венгрии однопартийной системы. Роспуск ранее правившей Венгерской партии трудящихся.

31 октября – начало военных действий Англии и Франции против Египта. Заявление Советского правительства с осуждением англо-франко-израильской агрессии против Египта.

2 ноября – Имре Надь созвал многопартийное правительство Венгрии и заявил о выходе страны из Варшавского договора, провозгласив её нейтральной страной.

3 ноября – создание в Сольноке *Революционного рабоче-крестьянского правительства Венгрии* во главе с Яношем Кадаром.

4 ноября – повторный ввод советских войск в Будапешт и подавление антикоммунистического восстания в Венгрии.

6 ноября – президентские выборы в США. Победа действующего президента Дуайта Эйзенхауэра, получившего 35,6 млн. голосов против 26,0 млн. у демократа Эдлая Стивенсона.

11 ноября – заявление ТАСС, в котором указывалось, что в случае отказа Великобритании, Франции и Израиля вывести согласно решениям ООН свои войска с территории Египта соответствующие органы СССР не будут препятствовать выезду советских граждан-добровольцев, пожелавших принять участие в борьбе египетского народа за его независимость.

11 декабря – в Венгрии учреждены военно-полевые суды. Подавлена попытка Будапештского рабочего совета организовать всеобщую забастовку.

17 декабря – подписание в Варшаве договора между СССР и Польской Народной Республикой о правовом статусе советских войск, временно находящихся в Польше.

26 декабря – на Кубе сторонниками президента Фульхенсио Батисты убиты 22 профсоюзных деятеля (*Кровавое Рождество*).

31 декабря – «Правда» начинает публикацию рассказа Михаила Шолохова «Судьба человека»

Школа

Координаты: 55°41'52" с. ш. 37°33'23" в. д.
/55.697778° с. ш. 37.556389° в. д.

Крыши у школы не было, как же дети учились?

Так и учились... Строительство наспех заканчивали, школа открылась осенью 1956 года. Последние дома стояли у Калужской заставы, а дальше шли пустыри и огороды... Ближайшим зданием тогда был ВЦСПС (*Всесоюзный Центральный Совет профессиональных союзов*), да ещё высился дом преподавателей МГУ на Ломоносовском проспекте. Но Юго-Запад, наш район Москвы, очень бурно рос, и уже вскоре появились вокруг другие школы, окрестность стала вполне жилой уже через 2-3 года.

А тогда... Учебный год начался, и старшеклассники в резиновых сапогах перетаскивали первоклашек через грязь, иначе дети не могли добраться до школы...

Набранные классы были совсем маленькие. Но ближние кварталы быстро заселялись, и на третий год в школе училось 880 человек (сегодня, кстати, столько же, – *реплика октября 2018*), т.е., в классах было по 45 детей, что соответствовало нормам. Школа была типовая, ничем от других не отличалась. Но было несколько учителей-энтузиастов, которые составили костяк будущей команды. Среди «открывателей» – *И. С. Збарский, Н. В. Тугова, Р. Е. Кантор*... Этот костяк «обрастал» другими учителями, и постепенно сложился удивительный коллектив.

Вы говорите «сложился». Не «создавался», а именно сложился?

Да, потому что на первых порах всё происходило в значительной степени стихийно. В районный отдел народного образования (РОНО) приходили в поисках работы учителя, переселявшиеся на Юго-Запад, их посылали в школы-новостройки, в частности, к нам. Мне повезло, к нам пришли несколько очень ярких учителей. Вот, например, твой отец *Исаак Збарский*, который потом был и великолепным преподавателем литературы, и развернул огромную послеурочную работу, создал школьный театр, называвшийся ЛТК: *Литературно-театральный коллектив*. Пришла сильная учительница математики, и так вот несколько человек образовали хребет школы, а потом вокруг них стала группироваться молодёжь.

А как школа стала физико-математической?

В достаточной мере случайно... Не было бы счастья, да помог начальственный административный зуд.

В начале шестидесятых была проведена школьная реформа: введена 11-летка, и за счёт дополнительного года в старших, 9 – 10 – 11 классах, развёрнуто производственное обучение. Один день недели посвящался освоению какой-либо профессии, профессиональному образованию, и школы стали искать себе шефов, которые помогли бы это организовать.

Рядом с нами не было крупных заводов и фабрик, автотобаз и стройкобинатов, которые могли бы стать нам шефами, зато был академический Институт точной механики и вычислительной техники. Тогда вычислительные машины только-только разрабатывались и внедрялись. Это сейчас компьютер можно положить в карман, а тогда ЭВМ занимала огромный зал и выполняла даже

меньше операций, чем эта карманная штукovina. В Институте было специальное хозрасчётное конструкторское бюро, и вот с этим бюро, собственно, мы и начали организацию производственного обучения.

На 2-м этаже в рекреационном зале устроили монтажный цех, самый настоящий, и дети раз в неделю, надев белые халаты, занимались изготовлением плат для вычислительной машины. Так у нас возникла специальность «радиомонтажник», ребята паяли блоки. Потом мы решили учить ребят работать операторами вычислительных машин, чтобы получить профессию «программист-оператор». Так появились две интересных для ребят реальных специальностей, дети не занимались изготовлением ведёрок для песочниц или лопаточек, или переводом металла в стружку, а занимались действительно серьёзным делом, получали профессию. Выпускники тех времён шли в технические институты, некоторые устраивались радиомонтажниками и поступали в вечерние или заочные ВУЗы, – программисты были нужны.

Но эти профессии скорее мальчишечьи, девочки к ним как относились?

И девочки были тоже... радиомонтажницы и программистки. Тогда уже девочек стало гораздо меньше, чем мальчишек. Потом, году в 1967-ом, производственное обучение отменили, и возник вопрос, что делать с этими профессиями. Профессия радиомонтажника в школе, конечно, прекратила своё существование, а профессия программиста была трансформирована в углублённое изучение физики и математики.

А учителя для этого нашлись?

Да, были к тому времени сильные учителя математики, сильные преподаватели физики, и мы смогли изучать математику и физику более углублённо, выделяя на эти предметы больше часов. А поскольку школа была известна довольно высоким уровнем преподавания, то постепенно дети московской научной интеллигенции стали поступать к нам уже не потому, что жили рядом, а потому что родители хотели дать детям хорошее образование.

И тогда, например, приходил какой-то профессор МГУ с просьбой взять ребёнка в школу, садился у меня в кабинете, а я говорил: да, мы его примем, но я беру взятки. Кто-то был подготовлен к такому ходу разговора, у кого-то кровь к лицу прилиwała. Но потом я объяснял, что взятки беру, как гоголевский герой, не деньгами, а борзыми щенками, и человек понимал, что ему вместе с ребёнком придётся прийти в школу работать.

Кто-то отпадал быстро, потому что времени не было или не было умения работать с таким возрастом, а многие даже потом, выпустив своего ребёнка из школы, оставались преподавать, потому что им это было интересно. Так появились профессора *Дынкин*, *Локуциевский*, *Шабат* и многие другие, и они приводили с собой студентов мехмата или физфака. И тогда уже возникла система, когда профессор читал курс высшей математики (*т. н. спецкурс «Верхняя математика»*), его студенты проводили семинарские занятия, а учителя математики и соответственно физики вели обыкновенную программу.

Отец рассказывал, как общался с ребятами великий Гельфанд. На семинаре он дал задачу и предупредил, что она – чрезвычайно трудна и что имеются два решения: сложное и относительно простое. Через десять минут решение было предложено (кажется, всех опередила Соня Лернер). Израиль Моисеевич посмотрел ответ и сказал: «Молодец девочка. Но, как я и думал, первым оказалось сложное решение. Это вообще наиболее затруднительно – отыскать простой и прямой путь к цели». Тогда класс заволновался: «Как это? Разве?» И тогда Гельфанд ответил: «Я не стану своими словами коряво излагать то, о чём блистательно высказался Борис Пастернак»:

Есть в опыте больших поэтов
Черты естественности той,
Что невозможно, их изведав,
Не кончить полной немотой.
В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.
Но мы пощажены не будем,
Когда её не утаим,
Она всего нужнее людям,
Но сложное понятней им.

И у отца с Гельфандом состоялся очень важный разговор. Израиль Моисеевич сказал тогда: «Всеми силами отдирайте детей от математики и физики! Чем больше из них получится гуманитариев – тем лучше будет и для естественных, и для “неестественных” наук!»

Гельфанд великолепно знал, чем и как закаляется учёный, будущий учёный... Школе несказанно повезло, что такие люди формировали её саму и её воспитанников.

Часто цитируют ваши слова о том, что секрет успешного директорства – собрать талантливых учителей и не мешать им работать. У вас изначально был такой постулат?

Это, конечно, не я придумал. И прямого отношения к педагогике такой принцип сам по себе не имеет, он универсален: в любой сфере желательно отыскать корифеев, независимо от возраста, и дать им возможность свободно развиваться и творить. Наш выпускник, сын рано погибшего ректора МГУ Рэма Хохлова – академик Алексей Хохлов – даже цитировал меня и говорил, что в науке нужно соблюдать точно такой же принцип.

Это с виду просто, очень просто, но... как ты сам только что процитировал: простота эта сродни ереси, она – в глазах неразумного большинства – намного хуже и опасней воровства.

А что за история с вербовкой в московский горком партии и обручальным кольцом?

Оно оказалось для меня спасательным кругом... В первой половине 60-х начальство вдруг подобрело ко мне. Вызвали на беседу, – а я уже был предупреждён: предложат высокую административную должность. Накануне весь день промаялся, никак не мог выдумать приличную отговорку. Так и побрёл. А разговор – на удивление! – получился какой-то скорый, невнятный, уже через полчаса мне дали понять, что я свободен. Во дворе меня нагнал приятель и трагическим шёпотом прокричал в самое ухо: «Ты что наделал! Ведь у тебя след от обручального кольца на пальце!..» Вообще-то никакого постановления ЦК партии или правительства [о запрете ношения обручальных колец] не было, естественно, они до этого не дошли, наши отцы родные, но директору школы, оказывается, это было не положено. Период был такой: виделся тут некий религиозный пережиток. Если бы я не шёл в горком партии, подозревая, что меня туда будут затаскивать на работу, я бы его и не снимал. А поскольку мой хороший знакомый, с которым я был в доверительных отношениях, предупредил, что будут, как теперь говорят, вербовать, в последний момент перед входом туда я его убрал. Оно у меня легко снималось, я до сих пор могу его снять, ну, дальше вот эта история... У меня на пальце след остался. Дама, которая меня туда приглашала, фамилию, конечно, я забыл, она была замначальника отдела пропаганды, она занималась народным образованием. И глаз у неё был намётанный... Такая вот история, которая мне помогла увильнуть от некоторых неприятностей. Ведь положение такое, что отказываться в лоб рискованно, можно было нажать влиятельных врагов для школы... При-

шлось бы долго объяснять, что я бы рад, а вот не могу. Такая вот занятная история с кольцом. Тогда могло показаться, что это – почти гонение. Но дальше... Настоящие трудности и неприятности все были впереди.

1968

(тысяча девятьсот шестьдесят восьмой)

год по григорианскому календарю – високосный, начинающийся в понедельник. Это 68 год XX века, 9 год 1960-х.

Объявлялся ООН как Международный год прав человека.

1 января – впервые на 1-м канале ЦТ вышла программа «Время».

5 января – избрание Александра Дубчека первым секретарём ЦК Коммунистической партии Чехословакии.

4 апреля – в городе Мемфис убит лидер движения за гражданские права чернокожих в США Мартин Лютер Кинг.

30 апреля – в Москве подготовлен первый выпуск самиздатской «Хроники текущих событий».

6 июня – в Лос-Анджелесе убит американский политический и государственный деятель Роберт Кеннеди, младший брат президента США Джона Кеннеди, убитого за пять лет до этого.

21 августа – ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию, положивший конец реформам Пражской весны.

25 августа – демонстрация советских диссидентов на Красной площади в Москве против ввода войск в Чехословакию. Один из семи демонстрантов – воспитанник Второй школы *Вадим Делоне*.

24 декабря – корабль «Аполлон-8» впервые в истории вышел на лунную орбиту.

*

Разгон школы: как это было?

Конечно, в силу специфики, по той причине, что школа набирала детей научной интеллигенции, здесь концентрировалось много любознательных детей, которые стремились дойти до сути интересующих их проблем. Вот таких интеллектуально активных детей надо было особенно бережно учить, и, конечно, с такими трудно, – требовалось убедительно отвечать на их вопросы, которые возникают ежедневно, надо честно отвечать, а не юлить: *это не твоё дело, вырастешь – узнаешь*. Для таких детей требовались учителя, особенно учителя гуманитарных предметов, литературы, истории, которые были бы по-настоящему образованны и обладали достаточной смелостью, чтобы отвечать откровенно.

А потом некоторые дети приходили домой и рассказывали: ух, мы сегодня читали Солженицына, ух, нам учитель такое рассказал, что нигде и не услышишь.

Потом так случилось, что ЦК КПСС построил здесь три 14-этажных башни, в которых поселились сотрудники ЦК, инструкторы, зав. секторами... И вот представь себе: ребёнок пришёл домой и рассказал папе, работающему в ЦК (а по совместительству, разумеется, на Лубянке), какой урок давал учитель, на какие вопросы и как отвечал.

Постепенно складывалось мнение, что школа вольнодумная и ведёт себя идеологически неправильно. А на самом деле всё было просто, еретически просто: учителя позволяли себе роскошь честно отвечать на ребячьи вопросы, и часто их версия расходилась с официально принятой. Это было на всех уроках, но особенно на уроках литературы и истории, в меньшей степени – географии.

В школе, например, работал учитель географии *Макеев Алексей Филиппович* (о его приходе в школу надо бы рассказать отдельно), который часть своей жизни провёл в тюрьмах и лагерях. Он, конечно, проявлял большúю осторожность, но тем не менее было известно, что Макеев – участник лагерного восстания в Кенгире, фигура вполне легендарная. Ну, какой бы дурак его взял на работу в школу, а вот я таким дураком был. И я себе позволял брать таких вот учителей. Я и теперь считаю, что был прав.

>>

Как оказался в Школе Алексей Филиппович Макеев (рассказано В. Ф. Овчинниковым *Николаю Формозову* 14. 08. 2003 в кабинете завуча на 1-м этаже школьного здания). «Эту историю Владимир Фёдорович называет *романтической*. Дело было в начале 60-х [не позднее осени 1961 года, – Н. Ф.]. Как-то в первых числах сентября В. Ф. Овчинников отправился в РОНО на Донскую, зашёл в отдел кадров и увидел: у входа сидит немолодой мужчина и плачет, не рыдает, а именно молча плачет, по щекам катятся слёзы. Владимир Фёдорович спрашивает у кадровички: «А что с мужчиной, который там сидит у дверей?» – «Да вот ему первого сентября объявили, что на него нет часов, и уволили» – «А почему? В чём дело? Может он пьяница или учитель плохой?» – «Да нет, дело он, вроде, знает и не пьёт» – отвечает кадровичка. Владимир Фёдорович выходит и говорит: «А вы не хотите у меня поработать?» В первый момент Алексей Филиппович, а это был именно он, даже не понял, о чём речь, и растерялся: «Как? Почему?»... Так Макеев оказался во Второй школе.

Филиппыч, блестящий географ и яркий лектор, бесспорно, был важным приобретением даже для уникального учительского коллектива, созданного Овчинниковым. В 1971 году он читал нам лекции в большой аудитории из двух классных комнат, где помещалось сразу 4 класса нашей параллели, и на протяжении академического часа легко удерживал внимание почти полутора сотен ребят. Одна такая лекция засчитывалась за 4 урока, так администрация школы помогала Филиппычу заработать часы перед пенсией...»

<<

Можно ли сказать, что Вторую школу создали и наполнили жизнью подвижники?

– Да, это был такой тип личности. Если речь об учителях: они потому и выбирали нашу школу, что здесь была возможность говорить то, что думаешь, приучать ребят к этой позиции. Они работали, как говорится, за идею.

Как проявлялось давление власти на школу?

– За школой строжайше наблюдали. Это и бесконечные комиссии, и вызовы в райком. Иногда я сам удивляюсь: как долго нас терпели!.. Ходили слухи, что у меня наверху есть «рука». Какая там рука!

Просто было сильное желание устроить жизнь в школе, как говорится, *по-человечески*. И это во многом удалось. У нас выступали Булат Окуджава, молодой Владимир Высоцкий, Наум Коржавин, Давид Самойлов, ребята пересмотрели весь репертуар Театра на Таганке. Особой гордостью школы был собственный театр ЛТК (литературно-театральный коллектив), за девять лет поставивший 13 спектаклей, давший 46 представлений

(в том числе выездных). На его премьерах присутствовали Алексей Арбузов, Назым Хикмет. Своеобразным клубом для второшкольников стал юношеский читальный зал Ленинской библиотеки, где они собирались почти каждый день, ухитряясь проникнуть даже в отдел редких книг и рукописей. Делом чести считалось не только прочесть только что вышедшую книгу, посмотреть спектакль или фильм, но главное – иметь о них своё суждение...

И расправа грянула...

Постепенно у школы складывалась репутация полуподпольного центра, где «упражняются в расколах и безверье», но мы не занимались сознательной подрывной деятельностью, учителя просто работали и учили детей так, как они считали нужным. Но, разумеется, у горкома партии было своё отношение к школе, в которой, например, учился сын известного инакомыслящего – Юлия Даниэля. Даниэль не Даниэль, если ты сдал вступительные экзамены – учись. Вёл он себя идеально, никак не афишировал свои взгляды. Когда Даниэль написал выпускное сочинение, меня вызвали в райком партии для беседы. Я объяснил, что ничего крамольного в этой работе нет, он выбрал свободную тему, очень умело написал, совершенно уйдя от политики, получилось хорошее сочинение, оценка «4». Это всё я изложил секретарю райкома партии, Давыдову, а он взял вертушку... Вертушка – это прямой правительственный телефон. И кому-то он позвонил и доложил, что всё, мол, в порядке, парень сдал нормальное сочинение. Или был такой случай: уже перед окончанием школы в комитет комсомола пришёл десятиклассник и сказал: «Я хочу выйти из комсомола, сдать комсомольский билет. Я понял, что во многом не согласен с официальными идеологическими установками...» Это был грандиозней-

ший скандал, в комсомол перед выпуском все рвались, «считали за честь быть в первых рядах». А у него были с комсомолом идейные разногласия. Понимаете, какие люди попадались...

К такой школе, естественно, приглядывались, она была окружена вниманием. Одного выпускника, который уже стал студентом мехмата, вызвали и пригрозили серьёзными неприятностями. Причина: он читал «Архипелаг Гулаг» Солженицына и активно пересказывал друзьям содержание этой книги (нашлись те, которые донесли).

Много же грехов накопилось к 70-му году!..

Да, немало. Ведь у нас работал ярчайший учитель истории и литературы – *Анатолий Александрович Якобсон*, он был действительно активный правозащитник, диссидент, редактор «Хроники текущих событий», он писал и распространял письма протеста. В школе, кстати, он себя вёл лояльно, был всеобщим любимцем. Но сам факт его присутствия в коллективе вызывал соответствующую реакцию, и была создана мощная партийная комиссия, она проверила школу от подвала до крыши, что называется.

В комиссию эту вошли тридцать человек: и директора школ, и инспекторы РОНО, и инструкторы райкома партии. Работала она месяца два, после этого была написана соответствующая справка, состоялось бюро райкома партии, на которое были приглашены директор, секретарь парткома, учителя, члены партии, а потом состоялся разгром школы: большая часть администрации школы была уволена, шёл вопрос об исключении из партии ряда учителей и сотрудников, и меня в том числе, но ограничились строгим выговором.

Я оказался без работы, но спасибо *И. Г. Петровскому*, ректору МГУ, он тут же позаботился, чтобы меня не тронули как директора заочной математической школы. Он вызвал меня, пытался всё спасти, выступил на заседании Президиума Академии наук.

Короче говоря, райком партии решил, и школа была разгромлена: пришёл другой директор, получивший соответствующие указания, за первое полугодие 1971 года уволились несколько сильных учителей, потому что работать стало невыносимо.

Меня через полгода буквально подобрал с улицы директор 45-й школы *Леонид Исидорович Мильграм*. Ему тоже пришлось побегать, поугovarивать партийные органы. И директором заочной школы я остался, Петровский сумел эту проблему решить.

Чтобы не поставить оставшихся учителей в сложное положение, я демонстративно обходил школу, что называется, за версту. Школа ещё бурлила, дети не хотели мириться с тем, что произошло, а часть учителей ощущала себя дискомфортно и готова была уйти.

Потом пришли другие учителя, для которых всё, что здесь делалось раньше, было достаточно чуждо. И школа со временем превратилась в обычную муниципальную, с 1-го по 10 класс, много случайных людей сменяли друг друга в качестве директоров.

А в 1992 году она стала лицеем, и кроме *физмат* направления, появилось ещё *биохим* направление. Когда я вернулся в школу, между этими направлениями была заметна напряжённость, но в итоге было решено *биохим* классы вывести в школу № 192, там тоже создавался лицей. По-моему, он успешно работает, многие ребята побеждают на олимпиадах...

*

Тут, мне кажется, уместно привести изложение материала Ольги Мариничевой («Учительская газета» № 46 от 16 ноября 2004 года, титул: **Система Овчинникова**).

В педагогической жизни Москвы произошло мало кем замеченное, но уникальное событие: после более чем 30-летнего перерыва в свой кабинет вернулся директор прежде легендарной 2-й математической школы Владимир Фёдорович Овчинников. Из этого кабинета он был со скандалом выдворен в 1971 году, вслед за ним ушли все завучи и лучшие учителя школы. Ту школу нынче называют «оазисом», «незаурядным явлением культурной жизни шестидесятых годов», сопоставимым в известной мере лишь с Царскосельским лицеем XIX века. Недавно вышла книга воспоминаний учеников и педагогов 2-й школы тех лет «Записки о Второй школе». Начальник окружного управления образования Михаил Юрьевич Тихонов позвонил Овчинникову: «Всю ночь читал вашу книгу, не мог оторваться. Подготовьте, пожалуйста, 150 экземпляров для каждой школы округа». Значит, система, созданная Овчинниковым и его соратниками, актуальна и сегодня.

Школу окружает густой парк огромных деревьев – когда-то они были посажены первыми учениками... В кабинете директора меня встречает суховатый, подтянутый Овчинников.

– Когда школу громили, к нам ходило много всяких комиссий, но решение было написано заранее. К списку наших многочисленных прегрешений прилагался даже перечень преподавателей с одиозными фамилиями, говорящими о национальном составе педколлектива. Школа стала рассыпаться. Хотя учителя и ребята про-

бовали бороться. Однажды утром на фронтоне появились написанные краской слова: «Это школа ваша? Это школа наша!» Потом пожарная команда с лестницей все это замазывала. В другой раз ученики ночью украли эмблему школы. Но, конечно, эти ребячьи акции не могли остановить распад...

Только чудом я могу объяснить всё, что случилось потом, в девяностых и начале двухтысячных. Школа стала другой, но все те, кто живёт ею, носит и бережёт её в себе, – не дали испариться её душе, развеяться её духу.

Кое-что осталось от прежнего счастья! Вот посудите сами: недавно один состоятельный человек хотел переманить наших педагогов в частную школу, где учатся его дети, проблем с зарплатой там нет. Ни один не согласился: дети там равнодушны к занятиям, богатые родители их туда определили в целях безопасности.

А из нынешних плюсов могу назвать очень сильную психологическую службу. А также то, что в классах сохранилась доброжелательная, тёплая атмосфера. Пришла интересная учительская молодёжь. Обстановка меняется. И уже после уроков ребята остаются, вьются вокруг учителей. И конкурс к нам по-прежнему немалый...

*

И снова – к нашим прерывистым, беглым беседам:

Многие выпускники и преподаватели считают Анатолия Александровича Яковсона ярчайшей личностью в истории школы. Как он появился в её стенах? О чём Вы беседовали с ним перед приёмом на работу? Кто его рекомендовал?

Его рекомендовал Феликс Александрович Раскольников как очень способного, яркого, образованного, интеллигентного человека. С самим Толей я беседовал по чисто профессиональным вопросам, о правозащитной деятельности речи не было.

Вспоминаю, что Кантор опасался его прихода, но Анатолий Александрович сразу заявил, что если возникнет какая-то угроза школе из-за его деятельности, то он немедленно покинет нас.

На вас очень давили, требуя запретить Яковсону чтение лекций или вообще уволить его?

По непонятным мне причинам давления на меня не оказывали (может быть, помнили о моем принципиальном уходе из ЦК ВЛКСМ, или кто-то «наверху» симпатизировал школе). И конкретно из-за Яковсона никогда никаких неприятностей не было. Но информация где-то накапливалась, и финал моей деятельности во второй школе в 1971 году известен.

С сентября 1966 года Яковсон перестал преподавать литературу в 8-х классах. Но никаких политических или внешних причин здесь не было. Были какие-то педагогические мотивы у нашего завуча Германа Наумовича Фейна.

Была ли среди преподавателей «пятая колонна», которая сигнализировала «наверх» о подрывной деятельности Яковсона?

Информаторы в школе были, но они сигнализировали не о Яковсоне конкретно, а вообще о положении дел и настроениях. Вектор внимания был направлен не в сторону Яковсона, а в сторону директора и ему подобных. Надо отдать должное Круковской, Макееву и Ушакову (последний только подписывал донесения), что они ставили собственные фамилии. Мне заврону Наталья Георгиевна Франгулян по секрету показывала эти письма.

Расскажите о ваших встречах с Яковсоном после его ухода из школы, в частности на фотографировании выпускных классов весной 1969 года? Когда Вы последний раз виделись с ним?

Несмотря на взаимную симпатию, мы с Яковсоном никогда специальных встреч не искали, поскольку за пределами школы мы не дружили. К сожалению, я не помню эпизода с фотографированием и не помню самой последней встречи, вероятно, потому, что не воспринимал её как последнюю.

Как вы сегодня относитесь к Яковсону? Какова его роль в истории Второй школы?

О роли Яковсона прекрасно сказано в «Записках о Второй школе». Повторю, что я отношусь к нему как к яркой личности, зарядившей многих интересом к поэзии, истории и культуре в целом.

Попутно хочу возразить некоторым авторам воспоминаний (хотя это и не главное). Я запомнил Толю как

человека чистоплотного, который был скромно, но всегда прилично одет, хотя внешнему виду он не придавал большого значения. Как-то раз он сказал, что у него всего две рубашки, ковбойки, но они всегда идеально чистые.

Ну, а о чистоте его мыслей и говорить не приходится.

Наверное, ребятам и теперь ой как пригодилась бы эта «заряженность» интересом к поэзии, истории... Вы по-прежнему убеждены в необходимости сильного гуманитарного образования?

Оно обязательно. Я-то считаю, что получить какой-то гуманитарный заряд возможно только в школе. Потому что, когда человек начинает учиться в вузе, а потом усиленно работать, ему некогда: появляется семья, бытовые заботы и прочее, так что ему некогда всерьёз, целенаправленно накапливать гуманитарные знания, становиться интеллигентным человеком, интеллектуальным даже, я бы сказал. Так что обязательно в таких школах, как наша, даже ещё больше, чем в обычных школах, нужны сильные словесники и историки.

А сейчас есть у вас отбор, когда первоклашки приходят?

К нам приходят семиклашки, это же лицей, мы даже в советские времена начинали с 6-7 класса. У нас тогда была даже своя комсомольская организация, в которой состояли 800 комсомольцев, это огромное число, был у нас даже специально прикрепленный человек, комсорг от ЦК комсомола.

Существует отбор, существует ежегодный конкурс, ну, может, не такой, как на мехмате, но обычно не менее

4 человек на место, и существуют экзамены устный и письменный по математике, диктант, а при поступлении в 9-10 класс (это добор) экзамен по физике, обязательно психологическое собеседование, чтобы мы были уверены, что подросток психологически готов к большой учебной нагрузке.

А нагрузка очень большая?

Очень большая, и мы предупреждаем об этом родителей и ребят. Вы понимаете, ведь приходят в школу, как правило, отличники, ребята, у которых тройка – оценка редкая, а в первый год, особенно в первом полугодии, они у нас превращаются в троечников, и, увы, даже есть двоечники. И, конечно, происходит психологическая ломка: многие дети, да и родители начинают впадать в панику, родители требуют от детей только хороших оценок, а ребёнок не может, потому что он не справляется, ведь повышенные требования не только по математике и физике, но и по всем предметам. Когда в когти, извините, учителя попадает группа таких способных, интересных ребят, он, конечно, работает с ними очень интенсивно, загружает их, даёт им разную дополнительную информацию. С этим приходится бороться.

Выпускники работают в школе?

Да, довольно много, и даже династии есть. Отец, например, ведёт научно-педагогическую работу, а сын – семинарские занятия.

А много выпускников уезжает за границу?

Не очень. В советские времена их было гораздо больше. И я их понимал: куда деваться, когда в вузы не прини-

мали ребят с соответствующими фамилиями. Мой зять по этой причине не попал на физфак МГУ. Но он поступил в МАИ, окончил его и пришёл на приём к замминистра образования. Тот очень «удивился», сказав, что не было такого решения: не принимать евреев. И дал приказ разобратся. И моему зятю дали разрешение учиться. Он окончил физфак МГУ, но потом уехал работать за рубеж. Теперь он – академик Европейской академии.

А внуки у вас есть?

Даже правнуки. А внуки – музыканты. Так же, как и дочь. Она училась в соседней с нашей английской школе, потом поступила в училище при Консерватории, в Московскую консерваторию, и стала её доцентом.

Выпускники из-за границы часто навещают?

Каждый год приезжают, очень много было выпускников, которые специально приехали на 45- и 50-летие, приезжают на разные научные конференции. Когда проводилась крупная конференция, посвящённая Колмогорову, очень много приехало выпускников, и все, конечно, приходили в школу, но в этом, естественно, ничего удивительного нет, и в других школах такое происходит.

Но школу действительно помнят и, как говорят выпускники разных лет, узнают друг друга везде по облику, по взгляду. Я думаю, это некое преувеличение, но, тем не менее, школьный значок, который мы выдаём по окончании, непременно носят, подчас орденов не носят, а школьный значок носят. И это, в общем, не удивительно.

Раньше такая школа, как Вторая, была в Москве одна. Существовали, конечно, и 444-я, 7-я и 52-я школы, но они всё-таки были послабее. Поэтому люди, склонные к педагогической деятельности, любящие работать с

детьми, стремились попасть в нашу школу... А с другой стороны, им и деться было некуда, поэтому получилась такая концентрация ярких личностей.

Ведь главная беда массовой школы в том, что тебя туда *заставляют* идти. А у нас дети в школу *стремят-ся*. После недельных каникул обнимаются, как будто не виделись вечность, а заболев, не хотят оставаться дома.

Я слышал, будто в школе введено самоуправление. Это правда?

Один или два раза в год лицей переходит во власть подростков. На собрании они выбирают директора, администрацию, ведут уроки, отчитываются потом. Они выигрывают это право по конкурсу. Учителя, которые сидят в этот день в своих классах, говорят: нам есть чему поучиться.

А ещё ребята по своей инициативе занимаются благотворительностью. Обычно на Масленицу продают какие-то свои изделия (блины, поделки, рисунки). В прошлом году собрали большие деньги, и всё это отдали в приют для больных детей. Наши ученики довольно часто ездят туда и занимаются с ребятами.

Простите за вопрос: вы не устали?

Какая разница: устал или нет. Вопрос в другом: если уйду – кем заменят? Дали бы мне волю, я бы нашёл кем. Но тут у меня с начальством большие противоречия. В Москве проводят аттестации претендентов на роль директора школы. Сначала человек отвечает на вопросы перед компьютером, потом – перед комиссией, составленной из чиновников и директоров, и только после этого его либо назначают, либо нет.

Это как-то унизительно...

Я бы сказал, бессмысленно. Потому что человек проверяется только в деле.

В Школе и вокруг неё живительный воздух. Я вот с годами хромать стал, а когда подхожу к воротам, вроде ничего уже не болит, как-то легче и свежее делается.

Вот и со мной так: я уже по возрасту обязан хромать и неважно себя чувствовать, но в школе я прихожу в себя. В прежнего себя. Иначе и быть не должно.

Школа. Учителя

Исаак Семёнович Збарский, словесник, преподавал в 1957 – 1971 гг. (выступление в московском Доме учителя 26. 10. 2003)

Если бы не Владимир Фёдорович, – не было бы этого нашего чуда. Он – краеугольное начало школы. И костяк учителей он собрал. Тогда вдоль Калужского шоссе (теперь это Ленинский проспект) располагался «пунктир» академических институтов, и это имеет непосредственное отношение к школе. В первые наши учебные годы Н. С. Хрущев, блаженной памяти, постановил, что в школах должно быть обязательное профессиональное образование. В центре Москвы директора легко нашли себе «шефов» – швейные фабрики, автобазы и т. д. А у нас кругом пустыри и никакого производства. И вот мы с Владимиром Фёдоровичем пошли по округе искать достойную профессиональную базу. Зашли в какую-то слесарную артель. Там говорят: взяли бы мы вас, да нас отсюда самих выселяют. И тогда Владимир Фёдорович вдруг сказал: «Послушайте, а зайдём в академический институт». Я говорю: «Да какая же там профессия?» В. Ф.: «Ну кто его знает, давайте зайдём». Мы зашли сначала в ФИАН. Там сказали: «Да вы что, рехнулись? Здесь же радиация, какие дети?!» А второй институт был, как будто Бог поднёс... Это был Институт точной механики и вычислительной техники, и директором его был академик Лебедев (теперь это институт им. Лебедева). Он выслушал Владимира Фёдоровича и сказал: «А что, я вас возьму, мне нужно паять платы. Ну, вы напортите какую-то часть, но вы же у меня будете не в плане и, глядишь, для меня что-то сделаете. Я вам устрою цех с музыкой и цветами». И устроил его на втором этаже школы.

*

И вот ещё воспоминания *И. С. Збарского* о Школе и её директоре в письменном пересказе *Александра Крауза* (выпускник 1968 года):

В середине 50-х годов молодой выпускник МГПИ им. Ленина Володя Овчинников по распределению оказался в Калуге, где стал видным сотрудником обкома ВЛКСМ с перспективой серьёзной политической карьеры. В Калуге он познакомился с девушкой по имени Ира, и у них возник нешуточный роман.

Надо сказать, что с начала приснопамятных 30-х годов в НКВД существовал список из 100 городов, в которые был запрещён въезд на жительство лицам, освобождёвшимся из лагерей и получавшим ссылку под надзор НКВД. Одновременно таким лицам запрещалось проживание ближе, чем в 100 километрах от столиц и крупных промышленных городов. Так что знаменитый штамп «минус 100» сослужил некоторым городам ближнего Подмосковья неплохую службу. Многие из них получили славу и судьбу серьёзных интеллектуально-научных центров. Такие города, как Калуга, Калинин (ныне Тверь) превратились в университетские центры с бурной интеллектуальной жизнью и мощной средой интеллигенции.

На «беду» Володи Овчинникова и на радость тысячам будущих учеников и выпускников Второй школы Ира оказалась дочерью политических ссыльных, живших в Калуге именно благодаря этому штампу. Более того, «пятая графа» в Ирином паспорте тоже не вполне соответствовала требованиям кадровых органов.

Несмотря на сильно смягчившиеся, по сравнению с недавними временами, политические нравы, система продолжала работать чётко. Владимира, переведённо-

го к тому времени в центральный аппарат ЦК ВЛКСМ, вызвал небезызвестный «Железный Шурик» [так в определённых кругах называли тогда Александра Шелепина, в то время 1-го секретаря ЦК ВЛКСМ; впоследствии он стал председателем КГБ и одним из организаторов и активных участников «путча 1964-го», свалившего Хрущёва и поставившего крест на «оттепели»] и предложил немедленно порвать всяческие связи с дочерью «врагов народа». Он отказался и, более того, женился на Ирине.

В результате на политической карьере Владимира Овчинникова был поставлен жирный крест, а в школеновостройке появился новый директор и учитель истории – Владимир Фёдорович Овчинников.

Упомянутое ранее смягчение нравов привело к тому, что его «ссылка» носила не территориальный, а скорее профессиональный характер и была в прямом, а не в переносном смысле произведена в «места не столь отдалённые». Школа располагалась в самом конце Калужского шоссе, только-только переименованного в Ленинский проспект, на самой окраине Москвы, почти в Черёмушках. Вокруг были пустыри и стройки, было всего несколько заселённых жилых домов, и «заполняемость» классов была небольшая...

... Это было время бурного расцвета тех отраслей науки и техники, которые сегодня мы бы отнесли к разряду «высоких технологий». Только-только была взорвана атомная, а затем и водородная бомбы, запущен первый спутник, созданы и поставлены на промышленное производство транзисторы и транзисторные приёмники, на вооружение ставились ракеты. Главным героем общества был высоколобый «физик» в свитере и брюках с пузырями на коленях. Знаменитая фраза «что-то физики в почёте, что-то лирики в загоне» в значительной мере

определяла настрой интеллигенции того времени. Начавшаяся в те же годы политическая «оттепель» только подхлестывала эти настроения.

Реформа системы образования происходила на волне некоторого «оттепельного ослабления возжей». Начальство внезапно поняло, что заставлять человека получать специальность по факту «прописки» не только нецелесообразно, но попросту вредно. Поэтому было разрешено поступать в 9 класс, выбирая интересующую специальность, независимо от места жительства. Таким образом, в 1958 году, впервые с начала 30-х годов, старшеклассники получили некоторую свободу выбора. Городские газеты и радио регулярно сообщали, что в школе № NN объявляется приём учащихся в 9 класс для подготовки автослесарей, пекарей, швей-мотористок, штукатуров и т. п.

В этих условиях объявление о том, что в некоей школе № 2 объявляется приём учащихся в 9-й класс для подготовки «радиомонтажников» и «сборщиков радиоэлектронной аппаратуры» вызвало подлинный бум. Интеллигенция Москвы, естественно, ухватилась за возможность дать детям профессию не «пекаря широкого профиля» или «штукатура-бетонщика», а близкую к самым востребованным в то время направлениям развития научно-технического прогресса. Школа столкнулась с бешеным наплывом желающих. В исключительно короткие сроки все места в классах были заполнены.

Уже весной следующего года стало ясно, что ситуация повторится, причём в гипертрофированном виде. Руководство школы вышло в РОНО с просьбой увеличить число старших классов. Учитывая, что заполняемость младших классов была очень низкой, РОНО неожиданно пошёл навстречу. Число 9-х классов было увеличено, но всё равно число желающих получить престижные спе-

циальности превышало число возможных мест. Возник «конкурс». Всякий конкурс требует внятной системы отбора. Ясно, что отбирать старшеклассников для обучения столь высокотехнологическим специальностям необходимо по уровню знания физики и математики. Для этого требовались специалисты, и школа решила обратиться в близлежащий Московский университет.

Возник альянс с механико-математическим факультетом МГУ. Студенты мехмата, в том числе и выпускники школы, начали принимать вступительные экзамены во 2-ю школу. В 1963 г. профессор-математик Е. Б. Дынкин преобразовал школьный математический кружок при мехмате МГУ в Вечернюю математическую школу (ВМШ), занятия которой проходили и в МГУ, и в здании 2-й школы. Многие ученики ВМШ (а ВМШ принимала школьников 6-7 классов) начали поступать в 9-е классы 2-й школы. Появились новые направления специализации – кроме радиомонтажников, школа стала давать специализацию «оператор вычислительных машин», началось активное преподавание программирования, что в свою очередь потребовало дальнейшего усиления математического цикла. Приём в младшие классы прекратили. В школе остались только классы с 7 по 11.

В 1964 г. Овчинников пригласил Дынкина преподавать спецматематику во 2-й школе. Дынкин согласился и, более того, привёл в школу большую когорту своих учеников – аспирантов и старшекурсников.

...В 1966 г., когда Дынкин доучивал свою параллель из трёх 10-х классов, разразилась катастрофа. В этих классах около половины учеников должны были получить медали. Такое отклонение пройти без скандала не могло. Отчасти скандал был связан, по-видимому, с тем, что наши советские родители стали писать жалобы, так как кому-то медали не досталось. Начались вызо-

вы то на один ковёр, то на другой, комиссии, разборки, приказы... В итоге Дынкина из школы «ушли», хотя он и остался руководителем ВМШ МГУ.

В 1967 г. за подписание письма в защиту Гинзбурга и Галанскова его уволили с мехмата. Он оказался без работы и потерял возможность, по крайней мере, легально, сотрудничать со школой.

*

Феликс Александрович Раскольников, учитель литературы в 1958 – 1971 гг. Интервью для Мемориальной страницы А. А. Якобсона; вопросы предложили В. Емельянов и А. Зарецкий, интервью взял А. Ковальджи, в редактировании приняла участие М. Сторожакова (ныне Скубицкая):

...Когда и почему Вы пригласили Якобсона читать лекцию о Маяковском во Вторую школу? Почему тема Маяковского была актуальна именно тогда? В чём, собственно, была «скандальность» той лекции? Реакция на неё В. Ф. Овчинникова и педагогического коллектива?

Если я не ошибаюсь, эпизод с лекцией о Маяковском произошел зимой 1961 года. Я не помню, как случилось, что я пригласил Толю прочитать эту лекцию. Тему выбрал он сам, и я, зная Толю, был уверен, что она будет очень интересной. Её скандальность состояла в том, что Толина интерпретация творческого пути Маяковского и его самоубийства шла вразрез с официальной. Правда, он не говорил, насколько я помню, о разочаровании Маяковского в «реальном социализме», но он утверждал и убедительно доказывал, что, «наступив на горло собственной песне», Маяковский совершил трагическую

ошибку, за которую заплатил своей жизнью. В общем, Толина концепция исходила из пастернаковской «Охранной грамоты», о которой мы тогда ничего не знали, и не случайно он закончил свою лекцию последней фразой из эссе Пастернака, которая прозвучала очень эффектно.

Лекция имела огромный успех, но присутствовавший на ней завуч Рувим Ханаанович [*правильно: Ехананович*] Кантор, умный и образованный человек и прекрасный учитель истории, ужасно испугался, что об этой идеологически вредной лекции узнает начальство, которое прореагирует соответствующим образом, и попытался, как тогда говорили, «дать отпор», но проиграл этот «матч» вчистую. Исаак Збарский, замечательный учитель литературы и секретарь школьной парторганизации, не пытался полемизировать с Толей, понимая, что тот был прав, и в своём выступлении лишь постарался смягчить резкие Толины оценки и суждения.

После этой злосчастной лекции у меня были неприятности: Рувим, Исаак и В. Ф. Овчинников (который, кстати, не присутствовал на лекции) сделали мне выговор за то, что я неосторожно пригласил такого идеологически сомнительного лектора. К счастью, дальше дело не пошло, а могло бы и пойти: ситуация в стране была весьма неопределённой.

Когда и почему Вы привели Якобсона во Вторую школу на постоянную работу? Как В. Ф. Овчинников и педагогический коллектив школы отнёсся к Вашему «протеже»? Когда и по какому предмету Якобсон провёл первый урок? Не могли бы Вы также прокомментировать методику преподавания литературы и истории Якобсоном во Второй школе? Почему Якобсон перестал преподавать литературу с осени 1966?

Я привел Толю во Вторую школу, кажется, в 1964 году. В. Ф., конечно, не забыл о лекции, но в это время либеральное движение в СССР достигло успехов, да и школа во многом изменилась: если раньше она была обычной районной школой, то теперь она «специализировалась» на электронно-вычислительной технике, и соответственно в ней стал меняться состав и учеников, и учителей (физико-математической она стала позже). Толя стал преподавать историю, но договорился с В. Ф. о том, что он составит экспериментальную программу по литературе для 8 класса, где преподавалось так называемое «литературное чтение» (для старших классов этого делать было нельзя), так что он предстал перед своими учениками в двух ипостасях. Кроме «регулярных» уроков Толя решил читать факультативные лекции о русских поэтах XX века, не включённых в программу средней школы...

*

Людмила Петровна Вахурина, учитель истории в 1958 – 1972 гг.:

В школе №2 я начала работать в декабре 1958 года, менее чем через год после открытия школы. Школа была самой обычной и лишь усилиями В. Ф. Овчинникова и его единомышленников она стала знаменитой физико-математической школой «с литературным уклоном» – как тогда шутили.

Но и в обычную школу в 1958 году было непросто попасть учителю истории: вакансий не было. По предложению инспектора РОНО я месяц бесплатно работала помощником инспектора, даже однажды вместо зав. РОНО вела приём населения, что было весьма забавно. Через месяц подневольного труда я от инспектора по

кадрам получила информацию о вакансии на 10 часов истории в школе № 2. Меня это устраивало, т. к. я воспитывала годовалую дочку.

Мне было 25 лет, когда я пришла во 2-ю школу. В. Ф. Овчинников был на 5 лет старше, но мне он казался очень взрослым, серьезным, даже суровым, и я долго его побаивалась. В. Ф. Овчинников объяснил мне ситуацию с 10-ю часами вакансии. У учительницы истории, уходящей на пенсию, 28 часов, пенсионерке можно иметь только 18 часов, 10 часов Владимир Фёдорович может передать мне.

Владимир Фёдорович предупредил меня о тяжёлом «наследстве»: дисциплины в классах на уроках истории нет никакой, историю дети не знают и не любят, 6-е классы, которые мне передают, – самые тяжёлые в школе, а я нигде не работала, опыта нет, и, если не справлюсь, буду за километр обходить все школы и никогда не стану учителем.

*

Татьяна Львовна Ошанина (ныне Успенская-Ошанина), учитель литературы в 1962 – 1972 гг.:

Наша школа выросла из обыкновенной. Здание, распорядок как везде. А вот люди... Необыкновенным прежде всего был наш директор – Владимир Фёдорович Овчинников. Это человек безупречной нравственности, умный и добрый, творческий – всегда поощрял любые наши начинания, благородный, как рыцарь из старинных романов, смелый – он всегда защищал нас от официального мира.

Что-то я ляпнула о «Климе Самгине» – кажется, что он не подходит под стандарты социалистического ре-

лизма..., мною заинтересовался КГБ, но директор сумел потушить пожар, не дав ему разгореться. В другой раз я читала ребятам работу опального Анатолия Якобсона о Блоке. В ней пересматривалась общепринятая трактовка поэмы «Двенадцать». И снова КГБ. И снова директор защитил меня. Он всегда умел все проблемы взять на свои широкие плечи. Это человек большого сердца – недаром именно оно и не выдержало: из-за него несколько лет назад наш директор чуть не ушёл из жизни.

Необыкновенный человек задумал необыкновенную школу...

*

Сергей Георгиевич Смирнов, преподаватель спецматематики, 1966 – 1982 гг.

Как стало возможным такое Образовательное Возрождение в СССР? Денежная цена его была невелика: с 1965 года преемники Хрущева свернули реформу массовой российской школы, и небольшая часть сэкономленных средств пошла на улучшение работы немногих «углублённых» школ. Большинство их сумело «углубить» (то есть довести до приличного уровня) только изучение иностранных языков. Но некоторые умные директора школ успели создать симбиоз с ведущими учёными близлежащих вузов или НИИ.

Именно так поступил директор Второй Школы В. Ф. Овчинников, историк по профессии и реформатор по натуре, отказавшийся от высокой партийной карьеры ради сохранения чистой совести в кругу единомышленников. Его главными партнёрами на мехмате МГУ стали профессора И. М. Гельфанд и Е. Б. Дынкин.

Персона Гельфанда особенно важна: этот первый и самый яркий (наряду с В. И. Арнольдом) ученик Кол-

могорова ещё в середине 1930-х годов оказался в числе руководителей ПЕРВОГО математического кружка для школьников при МГУ. Тридцать лет спустя Гельфанд был уже шефом самого авторитетного математического семинара в МГУ – и вот он решил тряхнуть стариной, основав свою колонию в близлежащей толковой школе.

Колмогоров тогда стал шефом физико-математического интерната № 18 при МГУ – приюта для будущих Ломоносовых из российской глубинки. Кронрод и его ученики произвели сходный переворот в школе № 7 (тоже на окраине Москвы), а Константинов с учениками захватил школу № 57 в самом центре Москвы – в полукилометре от Кремля, на месте Опричного двора Ивана Грозного. Далеко от Москвы – в Новосибирском Академгородке возник свой математический интернат во главе с московским профессором А. А. Ляпуновым – отцом российской кибернетики. Ленинград, Киев и Харьков тоже не отстали от самостоятельной школьной реформы...

Но вот парадокс: новорождённые физматшколы быстро пожрали породившие их математические кружки! Самым простым путем – переманив к себе активнейшую часть школьников и самых талантливых учителей всех предметов. Когда эта стихийная сила завлекла во Вторую Школу и меня, более всего удивил меня тот факт, что среди четырех завучей школы есть только ОДИН математик: Нина Юрьевна Вайсман (и та пришла в один год со мною). Трое остальных: Герман Наумович Фейн, Наталья Васильевна Тугова и Зоя Александровна Блюмина – были яркие литераторы, причем Фейн перебрался во Вторую Школу из моей родной школы № 103. Правда, я там у него не учился, на своё счастье. Ибо я с детства холоден к изящной словесности и с удивлением заметил во Второй Школе, что многие математики питают к этой стихии иные чувства.

Тут пролёг нечаянный эмоциональный барьер между мною и большинством прогрессивных учителей Второй Школы. Для них Литература – кумир, а для меня она – вполне терпимое излишество, как для них – Математика. Оттого я уважал многих своих коллег, некоторым из них симпатизировал, но своим человеком среди них так и не стал.

В 1971 году эта сухость ума помогла мне пережить административный разгон команды Овчинникова без лишних эмоций и успешно работать в рамках Второй Школы ещё 10 лет, до самого глубокого советского застоя имени Сулова и Брежнева. Но мне было легче, чем многим прочим: ведь с момента окончания аспирантуры МГУ в 1971 году ни школа, ни вуз не были для меня местом основной службы! Ещё студентом я решил для себя основной вопрос педагогики: преподавание тех или иных вещей всегда будет моей ВТОРОЙ профессией, но никогда не станет ПЕРВОЙ. Любая Наука выше, чем педагогика этой науки, а Математика выше всех прочих наук! С тех пор прошло более 30 лет; я не изменил своих воззрений.

Итак, видно, что дикарём я тогда был порядочным, как и многие мои коллеги с мехмата МГУ. Другое племя «дикарей» составили учителя литературы и прочие гуманитарии Школы №2. А третье племя из совсем уж диких варваров сталинской выучки являли собою партийные администраторы народного образования в районном и городском масштабе. Как могли эти дикие племена ужиться в одной стране или в одной школе? Очень просто: в рамках жёсткой феодальной иерархии!

Во главе стоял Король милостью Божьей – сиречь, директор Школы, В. Ф. Овчинников. Его окружали четыре министра-завуча; но даже все они вместе не смогли бы заменить монарха. Каждый из видных учителей предметников имел ранг Епископа – от Математики, Физики,

Географии, Истории или Литературы. Понятно, что разные епископы считали друг друга еретиками и потому никакого Синода или Сената составить не могли. Кроме них в Школе властвовали «внешние» герцоги и графы – то бишь лекторы Высокой Математики или Высокой Физики (как И. М. Гельфанд из МГУ, А. Л. Брудно из ИНЭУМ и В. П. Смилга с Физтеха). Каждый такой сеньор подбирал себе вассалов: баронов и рыцарей, которые вели семинары в отдельных классах, будучи аспирантами или студентами разных вузов – в основном, мехмата МГУ.

*

***Нина Юрьевна Вайсман**, учитель математики в 1966 – 1973 гг., завуч по математике в 1971 – 1972 учебном году:*

...О Второй школе я, к своему стыду, раньше никогда не слышала, а узнала о ней так: у моих родителей был знакомый – И. Х. Сивашинский, известный математик, автор многих книг. Как-то он зашёл к нам, и мы разговорились. Узнав, что я прозябаю в интернате, он заявил: «Переходи во Вторую школу! Будем вместе там работать!»

И вскоре я уже сидела у В. Ф. Овчинникова, который потряс меня сразу. Я до этого никогда не видела подобных директоров. Он вышел из-за своего директорского стола, сел в кресло напротив меня, стал расспрашивать меня обо мне. Но как! В частности, не играю ли я в волейбол или баскетбол, люблю ли походы. Очень интересно рассказывал о школе, о её жизни, о научной работе в ней. Я поняла, что очень хочу здесь работать и сделаю для этого всё, от меня зависящее.

Школа. Ученики

Алла Смотрицкая (ныне Левина), училась в 1957 – 1963 гг., 5 «А» – 11 «В»:

В апреле 1957-го года наша семья переехала в новый дом и, несмотря на окончание учебного года, меня тут же перевели в близлежащую школу-новостройку.

Помнится, перед входом в школьный двор разлилась огромная лужа. Кто-то положил в нее два кирпича. На них, широко расставив ноги, стоял высокий молодой человек с очень строгим лицом и по одному перетаскивал малышей через лужу в школьный двор. Так я первый раз увидела директора 2-й школы Владимира Фёдоровича Овчинникова.

*

Валерий Храпов, учился в 1959 – 1966 гг., из книги «Воспитание без воспитания...»:

По совету жены В. Ф. Овчинникова, Ирины Григорьевны, я решил написать книгу об истории Второй школы, её учителях и выпускниках...

Как-то я позвонил Владимиру Фёдоровичу. Он обрадовался. И пригласил меня к себе домой! Мне было уже почти 32, ему за 50, знакомы мы были уже 21 год, и вот я впервые попадаю в неслабую квартиру в ЦКовском доме, что стоит совсем рядом с нашей 2-й физматшколой. Все чисто и аккуратно. И в подъезде, и на лестничной площадке, и в квартире.

Встречает меня сам Владимир Фёдорович. Дома он, как и я, ходит в тренировочном костюме. Но в каком! На

моих штанах дырка на дырке. А он – в наиаккуратнейшем... Фёдорыч мало изменился. Трагедия 1971 года почти не оставила следа. Седины на висках и голове, правда, чуть побольше, да уголки рта навсегда опущены, но глаза под массивными очками улыбаются. А мои так (я тогда тоже носил очки) сияют несказанным счастьем. Мы обнимаемся. И тут я с удивлением обнаруживаю, что мы с ним одного роста. А ведь для меня Овчинников, на которого я всегда глядел снизу-вверх, казался гораздо выше ростом, а тут... Интересуюсь. Не ошибся ли? Нет, так и есть. Как и у меня, как и у моего отца, – 184 см.

Он проводит меня в большую комнату с роялем. Стандартный гарнитур. Но просторно, чисто и дышится как-то легко. Садимся за круглый стол...

И тут в комнату заходит маленькая женщина его лет или чуть моложе с подносом в руках, на котором бутылка какого-то лёгкого вина. Я встаю. Знакомимся. Оказывается, и здесь я не ошибся. Это его жена – Ирина Григорьевна Овчинникова! Та самая И. Овчинникова, огромные статьи которой на педагогические темы читала моя мать и в «Комсомольской правде», и в «Известиях», а за ней и я, ещё в начале 60-х годов. И мать мечтательно произносила: «Вот бы к кому тебе, Лера, попасть с твоими стихами и сочинениями... Это ведь жена директора твоей школы!..» А я ни в каком сне вообразить не мог, что эта небожительница вот так просто принесёт нам бутылку, подаст стаканчики, и... удалится! Тихо так и скромно...

Мы пьём вино, разговариваем. Через некоторое время снова появляется Ирина Григорьевна и приглашает обедать. Я, вечно голодный, всегда не против. Идём на кухню. И тут ещё одно впечатление на всю оставшуюся жизнь. За большим столом в их просторной кухне сидит уже абсолютно седая старушка лет восьмидесяти. Но глаза, глаза! Тёмные глаза – живые, молодые. Да и сама она,

хоть и худенькая, но стройная и живая, естественная. И при этом лик. Лик с иконы. Необыкновенное сочетание гордости победителя и смиренности одновременно. Но не рабской... Знакомят. Это мама Ирины Григорьевны – Софья Ильинична... Да, не ошиблись её родители с именем. Мудрость, наверное, так и должна выглядеть...

Владимир Фёдорович... Лёгок, худощав, слегка сутул, в вечных роговых очках на прямом красивом носу, с жёсткой шевелюрой прямых тёмно-русых волос, слегка уже тронутых проседью, всегда гладковыбритый, подтянутый, со спокойной повелительной, но одновременно и снисходительной, улыбчивой речью. В него влюблялись все – женщины, дети, мужчины...

После XX съезда стали обновлять руководящие органы не только партии, но и комсомола. А у него анкета – закачаешься. Сначала в обком комсомола попал, а оттуда сразу в ЦК ВЛКСМ! В первых рядах, в президиумах. Но – стали коллеги-завистнички, с погонами под комсомольским значком, внимательнее анкету изучать, приглядываться к товарищу. И выяснилось: жена-то у него... еврейка! Да ещё дочь бывших врагов народа! Хоть Сталин и умер, и вообще нехороший человек, но терять бдительность не следует. И полетел Овчинников из ЦК ВЛКСМ. Но времена-то круто изменились. Оттепель... Даже из партии не выгнали... Просто предложили найти работу по душе и в соответствии с собственным желанием. Он и выбрал школу-новостройку на окраине тогдашней Москвы. А напросился он туда, главным образом, из-за жилья. Ведь при том типовом здании, что стало 2-й физматшколой, директорская квартира была (две крохотные комнатухи, и кухонька-прихожая. Был я один раз в той квартирке, когда её занимала Наталья Васильевна Тугова с семьёй).

Создавалась школа трудно. Надо было и пригласить, затащить профессоров и доцентов МГУ на ставки учи-

телей-почасовиков, договориться с соседним НИИ Точной механики и вычислительной техники АН СССР (ИТ-МиВТ), и с ФИАНом самого П. Л. Капицы...

В девятом он преподавал у нас Новую историю. Халтура полная. На уроки по 15-20 минут опаздывал. Бывало, и вовсе не приходил. Бегал где-то там по инстанциям (теперь-то я более-менее могу понять, каким), или делегации со всего Союза и из-за границы принимал...

Теперь-то я знаю, чем Овчинников вместо истории и подготовки к урокам занимался. Он кадры первым делом в свою школу-новостройку подбирал, команду формировал, как тренер. Понимал: «Кадры решают всё!», как товарищ Сталин учил. Одних «маршалов» выдвигал, других задвигал. А просто так, как, скажем, ту же химичку Клавдию Андреевну, методиста Октябрьского РОНО и, кажется, заслуженную и почётную, но явно выпадавшую из ансамбля бывшую учительницу Ирины Григорьевны, что и сосватала её Овчинникову, просто так не задвинешь... Дал слабину, впустил джина сталинской эпохи – вот и майся теперь в условиях демократии...

Вот я и думаю: что бы теперь было со мной, с нами, если бы за моими плечами не стояла Первая Вторая школа: И. С. Збарский, Т. Л. Ошанина, В. Ф. Овчинников, и даже З. М. Фотиева и К. А. Круковская, которая умудрялась за одну не совсем точно решённую задачу по химии выставить сразу же тебе от 3 до 13 двоек!..

Не знаю, как пережил экзекуцию над Школой духовный отец мой и учитель Владимир Фёдорович Овчинников. То, что он мучился и страдал на протяжении многих лет – несомненно. Я, покидая свои школы, имел счастливую возможность не видеть их каждый день. Овчинников же, обитавший сначала в комнатёнках при школе, а потом получивший квартиру, намного лучшую, чем моя нынешняя, в доме напротив, каждый день мог видеть своё детище из окон 11-го этажа комфортабель-

ной ЦКовской «башни», ставшей для него 43-летнего, полного сил человека, – полутюрьмой. Да, он мог выходить на улицу, ездить на работу, но дорога каждый день вела мимо Третьей, Четвертой, Пятой 2-й школы – и что это за ежедневные казни были, знает только он один. И когда я пишу «великомученик Владимир Овчинников», надеюсь, понятно, что не лгу и не заблуждаюсь.

До 17 лет, т. е., до 1943 года, Володя Овчинников болел туберкулёзом нижней доли правого легкого, грозившего перейти в туберкулёз костей и даже частично перешедшего. Но регулярные занятия волейболом и баскетболом, когда в работе всё время находились суставные коленные и локтевые сумки, где и вырабатывает организм противотуберкулёзные сыворотки, привели к тому, что туберкулёз лёгкого приказал долго жить...

В понедельник 23 ноября 1998 года я позвонил домой Овчинниковым. К телефону подошла Ирина Григорьевна, голоса которой я не слышал ровно десять лет.

– Здравствуйте, Ирина Григорьевна.

– Кто это?

– Это некто Храпов Валерий Евгеньевич. Может, ещё помните такого?

– О, Валерий! Как вы легки на помине. Владимир Фёдорович только вчера спрашивал о вас. Просил меня разыскать ваш телефон.

– Ничего удивительного, Ирина Григорьевна! Это обыкновенная телепатия. Вот уже неделю, как я плачу, смеюсь, ликую и снова плачу, поскольку все эти дни пишу *Жизнь и Житие духовного отца и учителя моего святого Владимира Фёдоровича Овчинникова, многострадальца и многотерпца*. Вы там не подумайте чего. Каждое слово в этом заголовке правда. И я вам это докажу, когда соизволите принять текст.

– Валерий, как вы поживаете? На что существуете?..

– А как вы, Ирина Григорьевна?

– Плохо. Маму мою, Софью Ильиничну, недавно похоронили. Очень тяжело умирала...

– Сколько ей исполнилось-то? – спрашиваю вместо традиционного утешения.

– 93 года...

– Вообще-то, Ирина Григорьевна, место там у вас, у нас на Ленинском проспекте, – поганое. Сплошные чумные кладбища 1771 года. Я это недавно понял. И место это очищалось только благодаря Владимиру Фёдоровичу...

...Чего я достиг в этой жизни? Да, восславил Овчинниковых, других учителей (а заодно и себя, хорошего, не забыл), но дальше-то что? Ты вполне законно гордишься своими книжками и Овчинниковыми с овчинниковцами... А где их-то пьедестал? В чём он? Они-то книг не написали, некогда было, да и кто бы издал их книги, если даже они были? А теперь уж вряд ли напишут – силы у них не те!.. Да и книга их не на бумаге. Их книга в типовом пятиэтажном железобетонном блочном здании на углу Ленинского и Университетского, образца 1956 года, образца ранней хрущёвской оттепели... Да нет, не в нём. В Духе, который жил в этой типовой коробке, внешне мало отличимой от трёх соседних...

И тут я впервые узнал начало биографии моей крестной мамы в советской журналистике. Оказывается, родилась она в Ленинграде в 1930 году. Папа был крупным инженером по турбинам. Мама – учительница английского языка. По одной линии предки её были все сплошь раввинами. А один даже был раввином всего Израиля...

В 37-ом, когда Ире было всего-то семь лет, отправили её в детский дом. Но бабушке, маминной маме, удалось

внучку оттуда забрать. Увезла к себе в Москву. А в 47-ом вернулась мама. 10 лет закончились. Да, и Софья Ильинична, и мать Окуджавы, и мать Василия Аксёнова, и молодая вдова Бухарина, все они работали в одном лагере на Магадане. Над воротами лагеря, как писала мама, висел смешной транспарант что-то типа «Женский путь в социализм!» (точно я эту очередную политическую горькую и смешную несурязицу не запомнил, а записывать не решился, чтоб настроение не сбить). По возвращении маме ближе 101 километра от Москвы селиться не разрешили. В 1947-ом Ирина Григорьевна как раз школу закончила и уехала к маме в Переяславль. Но тут как раз новая волна арестов началась. И они, с перепугу, бежали с мамой ночью по морозу в одних ночных рубашках под пальто в деревню под Загорском. Там и жили довольно долго, пока не пришёл председатель сельсовета и не сказал: «Не подводите меня, девушки... Поезжайте-ка вы в Сибирь. Там и без прописки проживёте и никто вас не найдёт...» Но возвращаться в Сибирь маме не хотелось. Кантовалась всё ближе к Москве. А когда в 1952 послали И. Г. с Владимиром Фёдоровичем по распределению в Калугу, мама к ним перебралась. И мама Окуджавы к сыну приехала... Счастливая пора была.

...А ведь мы – самое счастливое поколение из всех, родившихся при Советской власти! Пора, мой друг, пора... Пора реализовать то, к чему именно нас, молодых, призывал Назым Хикмет: «Если ты гореть не будешь, если я гореть не буду, кто ж тогда развеет тьму?»

Этот лозунг долго в нашей Второй школе висел. И стихи я под ним читал. А в вашей школе подобные висели?..

>>

Я по прошлому иду.
Вот оно какое, прошлое!
Не свидетелем непрошеным
я по прошлому иду...

Вечер синий.
Ветер сильный.
Холод злой.
По Тверской народ шагает,
по Тверской
снег играет,
след стирает
воровской.

А молоденький парнишка
болен хлебом и Москвой,
болен хлебом,
чистым небом
тот парнишка городской.

У него шинель вразлёт.
Руку на руку кладёт
и в глаза мне смотрит долго:
«Подведет – не подведёт?»

Я по прошлому иду.
Я гляжу его глазами,
я горю его огнями...
Я по прошлому иду –
я его не подведу.

Булат Окуджава, середина 1950-х

<<

Надежда Смирнова (в школьные годы Харина), училась в 1962 – 1964 гг., 9 – 11 «Е», председатель ЛТК:

Удивительный коллектив преподавателей собрал наш директор Владимир Фёдорович Овчинников (которого, кстати, ни один ученик нашего выпуска иначе как по имени-отчеству или по фамилии не называл и не называет и к которому все до сих пор относятся не только с уважением, а с глубочайшим почтением). Это было созвездие личностей, сверкавших на фоне двух-трёх идейных неинтересностей, которые, к слову, тоже были хорошими, знающими свой предмет преподавателями.

На последнем вечере встречи Владимир Фёдорович сказал: «Я долго выбираю учителя, но уж если он начал у меня работать, я ему не мешаю». Ни разу за время нашего пребывания в стенах школы не устроил он неожиданный «набег» на урок, не слышала также, чтобы он требовал от учителей предоставить ему на рассмотрение планы уроков и прочей никому не нужной писанины. Может, он это и делал, но без особого ущерба для нервной системы педагогов.

*

Георгий Попков, учился в 1965 – 1967 гг., 9 – 10 «Е»

...Владимир Фёдорович Овчинников (Шеф). Директор, Создатель и Отец-Основатель.

В то время – красивый черноволосый мужчина лет около сорока. Жил он при школе и, думаю, знал о наших шалостях немало – просто видел из окна, о чём мы и не догадывались. Боялись мы его панически. При всей интеллектуальной свободе в школе была железная дисциплина, и директор был её олицетворением. Визит к Шефу означал, как минимум, очень крупные неприятности, как максимум – отчисление.

Сейчас я думаю, что этот имидж он поддерживал сознательно. Внешне в учебный процесс Шеф не вмешивался, и для меня было полной неожиданностью, когда оказалось, что через 30 лет после окончания школы он помнит не только моё лицо, но и класс, в котором я учился. Мы-то наивно полагали, что директор осуществляет общее руководство, прикрывает школу от Враждебных Сил, а конкретными мелочами (вроде учеников) интересуется мало. Ошибались.

Однажды на перемене залезли мы с Сашкой Подольским по обыкновению под лестницу – покурить. В подвале хранился спортивный инвентарь. Там была темнота, потому что лампочки мы сами же выкрутили. Вдруг слышим голоса – директор с физкультурником спускаются. Бежать нам было некуда, и мы затаились в темноте. Стук собственного сердца казался пожарным набатом. Директор прошел вплотную ко мне. Мы долго стояли, не шевелясь, в темноте, пока не минула опасность, и опоздали на урок.

О пережитом ужасе мы, по-моему, так никому и не рассказали. До сих пор одного не понимаю, как же они запах табака-то не учуяли?

*

Александр Крауз, учился в 1965 – 68 гг., 8 – 10 «Б»:

Своё, особое место в культурно-политической истории нашей страны Школа, как мне кажется, заняла именно в годы, когда нам посчастливилось в ней учиться. Один из самых умных людей XX века и, по мнению нашего учителя Анатолия Якобсона, один из лучших советских поэтов Давид Самойлов, писал: «Пятнадцать лет, прошедшие со смерти Сталина, составляют переходный период нашей истории. Он начался 5 марта 1953

года и продолжался 15 лет – до августа 68-го. Редкие периоды истории можно датировать с такой точностью...».

Однако внутри этого периода можно с не меньшей точностью выделить и значительно более короткий, но не менее драматичный исторический период, начавшийся в сентябре 1965 года, когда КГБ СССР арестовал Юлия Даниэля и Андрея Синявского. Их арест, а впоследствии уголовный суд над ними и над творениями, прошедший в феврале 1966 года, показал всем, что «оттепель» кончилась и наступили «холода». А к лету 1968 года политический климат нашей страны определился окончательно. Подавление Пражской весны и последовавшие за ним многочисленные процессы над инакомыслящими расставили все точки над «i».

Именно в сентябре 1965 года мы и пришли во Вторую школу, а летом 1968 года её закончили...

Однако только во Второй школе в эти годы политических заморозков возник удивительный тёплый оазис с «микrokлиматом» подлинной свободы. Благодаря особому дару В. Ф. Овчинникова, его огромной человеческой смелости и таланту организатора этот оазис сумел выжить в течение почти шести лет. Он жёстко противостоял многочисленным попыткам властей разрушить «гнездо диссидентства», при этом не только не ограничивая учителей в их деятельности, но помогая им.

...При этом очевидно, что власть была постоянно озабочена отсутствием в Школе «политически грамотного подхода» к *национальному* вопросу. Ибо: национальный вопрос во 2-й школе не стоял. И это – во времена не просто государственного (что одно время было модно подчёркивать), а активного государственного антисемитизма. Просмотрев выпускные фотографии тех лет на сайте Второй школы (<http://www.school2.ru/>), легко

убедиться, что проявлять антисемитизм было почти некому. Именно этот факт и раздражал власти. Достоверно известно, что Овчинникова не раз вызывали в соответствующие инстанции и требовали, чтобы он навёл порядок с приёмом евреев в школу или хотя бы соблюдал среднюю процентную норму. Тем не менее, всё оставалось по-прежнему.

Все эти факторы в сочетании с массовым (по тем временам) отъездом преподавателей в Израиль, активной протестной деятельностью Якобсона (ко всему прочему, он в эти годы был редактором «Хроники текущих событий»), приёмом в школу Саньки Даниэля, не могли не вызвать недовольства, раздражения, а потом и озлобления властей. Начались бесконечные комиссии, проверки. В разгар всех этих событий сменилось Московское партийное руководство. «На Москву», т. е. первым секретарем МГК КПСС, был посажен недавний руководитель советских профсоюзов В. В. Гришин. «Проблема 2-й школы» была доложена лично ему, и, проявив неожиданную образованность и способность к не вполне очевидным выводам, он сформулировал чёткую и недвусмысленную позицию партии: *«Лицеи нам не нужны, мы знаем, к чему они приводят»...*

*

Лев Юсуфович, учился в 1966 – 1972 гг., 6 – 10 «А» (из статьи ФЕНОМЕН 2-Й ШКОЛЫ – ПОПЫТКА АНАЛИЗА)

...Мне хотелось бы описать и обобщить опыт 2-й школы, выделить те слагаемые успеха, которые пригодны для всех школ. Но оказалось, что выявить типичное в директоре весьма трудно, а часто и невозможно, хотя для учеников и учителей эта нетипичность была огромной удачей.

Создатель и директор 2-й школы Владимир Фёдорович Овчинников – человек уникальный. Помимо его выдающихся организаторских, психологических и, если хотите, этических способностей, он влиял просто своей Личностью, обаяние и сила которой передавались окружающим.

Как известно, старшеклассники, более всего способные, относятся к учителям априори скептически. Чтобы заслужить уважение учеников, педагогу приходится, как правило, провести с ними немало времени, проявив при этом эрудицию, остроумие, требовательность и справедливость.

«Шеф» (как почтительно-ласково называли директора ребята) уроков в наше время не вёл. Да и его общение с учениками было минимальным: ученики, как известно, избегают общения с директором. Однако, несмотря на это, Шефа уважали все.

Ну, учителя понятно – он принимал их на работу (часто брал тех, кому другие школы отказывали), периодически общался с ними на педсоветах. Учителя знали об усилиях, которые Шефу приходилось прилагать в борьбе за школу с районным и городским начальством. Некоторые учителя были знакомы с ним с институтских времён.

Но почему ученики? Конечно, чувство уважения передавалось им от учителей, но было ещё что-то. Он чем-то выделялся не только среди учителей, но и среди университетских преподавателей.

Вспоминаю эпизод. Я поступил в новый 6-й класс (это был эксперимент, когда два года подряд принимали в 6-е классы). Мне было 12 лет, у меня не было в школе знакомых, и я понятия не имел о том, как создавалась школа, кем для неё был Овчинников и т. д. Я даже не знал, как он выглядит.

И вот однажды я увидел в вестибюле группу взрослых, которые стояли и разговаривали. Среди них я сразу выделил директора. Каким образом? Не знаю. Опознал по костюму с галстуком (Владимир Фёдорович всегда был очень аккуратно одет и причёсан)? Но при галстукке был не он один. По тому, как к нему обращались другие? Возможно, но, скорее всего, – по совокупности. Среди людей и старше, и солиднее, и респектабельнее, я безошибочно выделил «Шефа». Видимо, в нём присутствовало какое-то врожденное лидерство – некий индикатор, показывающий, что этот человек знает, что делать и куда идти, и может за собой повести – ему можно верить.

...Лицо школы определяли отношения между директором и учителями. Многие директора школ в те времена считали, что не надо напрягаться: существует РОНО, подаёшь заявку – тебе присылают учителя. В. Ф. Овчинников подходил к делу иначе. Ему нужны были не просто учителя, а ещё и единомышленники. Думается, подбор учителей для Овчинникова был одним из главных направлений его деятельности.

До недавнего времени я и не знал, что со многими учителями-гуманитариями Владимир Фёдорович был знаком с институтских времён. Когда узнал – мелькнула мысль: а может, идея «вольнодумной» школы созрела у них ещё в институте? Хотя вряд ли – в то время многие из них, включая самого Овчинникова, работать в школе не планировали. Но по разным причинам социалистическая система их (включая и В. Ф. Овчинникова) отторгла, не дав заниматься тем, к чему они себя готовили.

В школе почти не было случайных учителей. Каждый был достаточно яркой личностью. Это относится и к учителям, которые впоследствии предали директора, например, к учителю географии А. Ф. Макееву. Несмотря на очевидный вред, который он нанёс школе, нельзя

не признать, что человек был незаурядный и сильный предметник. Подбор учителей-личностей, а не просто единомышленников, был ещё одним принципом, которого придерживался директор.

Именно благодаря наличию в школе множества ярких, необычных учителей, обладающих большой эрудицией, остроумных – создавалась благотворная среда для обучения. Учиться было трудно, но почти никогда не было скучно. Похвала учителя стоила дорогого и была мощным стимулом в учении.

Нам не надо было искать примеры для подражания вне школы – они были перед нашими глазами. Мы видели взрослых людей, которые не только много знают и умеют, но ещё и говорят правду, по-настоящему уважают друг к другу и к ученикам, оценивают нас по заслугам, т. е. по нашим знаниям и трудолюбию, а не по положению наших родителей, да и просто с душой делают своё дело.

*

Анатолий Сивцов, учился в 1967 – 1969 гг., 9–10 «Д»:

Первоначальным стимулом для написания этих заметок явилась статья Елены Кокуриной «Пространство Клебанова», опубликованная в ныне не существующей *Общей газете* 28.1.1999 г. Статья задела меня за живое.

Более 35 лет назад 2-я школа «погрузилась на дно» (подобно Атлантиде), исчезла из поля зрения (подобно Китежу), и вот уже о ней судят понаслышке, руководствуясь обрывочными и часто недостоверными сведениями. Разрыв живой преемственности плодит фантомы и легенды, мешая осмыслить феномен Второй школы и уроки её недолгого, но славного существования.

Мы, выпускники, сами виноваты в таком положении вещей. Особенно те из нас, кто не обделён памятью, владеет пером, но не предпринял сколько-нибудь серьёзной попытки написать о школе так, как она того заслуживает.

История Второй школы – увлекательное и драматическое повествование, она вписана в контекст времени (1956 – 1971 гг.) и неотделима от «шестидесятничества». В то же время дух школы отчётливо противостоял «духу века сего». То, что говорилось и делалось в стенах школы, отчетливо и осознанно противостояло окружающему...

Е. Кокурина и другие авторы упускают печальный факт: в 1971 году школа фактически была ликвидирована, сохранив лишь вывеску. Журналист Ирина Овчинникова (жена Владимира Фёдоровича) сравнила это событие с уничтожением Храма Христа Спасителя или разгромом Камерного театра («Московские новости» 6.9.1992 г.).

Давили на школу не один год; с 1968-го давление усилилось. Одна комиссия сменяла другую, искали, за что зацепиться, и писали наверх соответствующие бумаги. Требования к нам в отношении дисциплины, казавшиеся иногда слишком жёсткими, во многом были вызваны именно этими печальными обстоятельствами. Роковым стал тот самый 1971 год: с ним связано начало массовой еврейской эмиграции и назначение В. Гришина главой МГК КПСС...

Дело происходило летом, в пору каникул и отпусков (я узнал о случившемся из письма родителей, будучи на практике в Крыму). Говорят, что в тексте приказа не фигурировали ни политика, ни идеология, о «воспитательной работе» говорилось обтекаемо, а упор делался на упущения в отчётности.

Удар был нанесён безошибочно: разрушили именно то, что скрепляло школьный организм. Увольнение Овчинникова и его ближайших сподвижников обрекало созданные ими структуры на распад и вырождение.

Рассчитывать на общественный резонанс не приходилось; новое поколение даже представить себе не может тогдашнюю атмосферу глухоты и безгласности. В одночасье погибло уникальное, любовно выстроенное дело, а вокруг, как в вязкой болотной среде, не возникло никакого отзвука.

В тот год в атмосфере глухого молчания ключевыми понятиями стали: солидарность и моральная поддержка. Несколько преподавателей добровольно оставили школу. Те, что продолжали работать, сделали свой выбор: не захотели бросать своих учеников на случайных людей; по отношению к детям тоже требовалась солидарность.

Но этим оставшимся пришлось нелегко: атмосфера ухудшалась на глазах. Кого-то целенаправленно выдавливали из школы (а впоследствии, бывало, и в эмиграцию). Кого-то заставляли унижительно согласовывать с администрацией содержание факультативных занятий, делая последние заведомо неполноценными.

Очень скоро в школе стали править бал «победители», прямо или косвенно содействовавшие разгрому. Следует отметить беспрецедентные попытки протеста со стороны школьников. Об этом мало что известно, но говорилось, что несколько человек демонстративно подали заявления о переводе в другие школы. Конечно, такие попытки жёстко пресекались.

Заговорив о моральной поддержке, не могу не вспомнить, как 2.9.1971 г. большая группа выпускников 1968–1971 гг. собралась у школы и торжественно преподне-

сла Владимиру Фёдоровичу специально изготовленный макет школьного здания. Директор как бы уносил школу с собой...

*

Александр Блинков, учился в 1968 – 1970 гг., 9 – 10 «Б»; преподавал математику в 2002 – 2003 гг.:

С директором школы, Владимиром Фёдоровичем Овчинниковым, ученики встречались нечасто. Его уважали и побаивались. О нём ходило множество легенд, в том числе и о том, почему он стал директором школы. Надеюсь, что об этом он когда-нибудь напишет сам.

Хорошо помню, как на перемене раздаётся шепот: «Шеф идёт!», – и мы начинаем жаться вдоль стенки. Был момент, когда в очередной раз обострились отношения второшкольников с учениками окрестных школ, и Шеф лично влез разнимать огромную драку, которая разгорелась во дворе.

С тех пор, как Владимир Фёдорович вновь стал директором Второй школы, я имею возможность и удовольствие периодически общаться с ним не только как выпускник школы, но и как коллега. Так как я сам уже много лет администратор школы, то понимаю, насколько непросто было собрать под одной крышей такое количество одарённых учителей, а ещё сложнее создать из них педагогический коллектив. Это мог сделать только Шеф, обладающий редким сочетанием деловой принципиальности с интеллигентностью и мудростью.

1991

(тысяча девятьсот девяносто первый)

год по григорианскому календарю – невисокосный, начинающийся во вторник. Это 1 год 10-го десятилетия XX века, 2 год 1990-х.

5 января – приказ министра обороны СССР о направлении в Прибалтику воздушно-десантных войск для обеспечения призыва новобранцев в армию (опубликован 8 января).

5–6 января – южноосетинская война (1991—1992): в Цхинвали введены части грузинской милиции. В городе вспыхнули бои с применением гранатомётов. Части МВД Грузии были выведены из столицы Южной Осетии 26 января.

13 января – в Таллине Председатель ВС РСФСР Борис Ельцин подписал договор об основах межгосударственных отношений РСФСР и прибалтийских республик, в котором стороны признавали друг друга суверенными государствами.

В час ночи спецназовцы (в их числе – особая группа «Альфа») взяли штурмом телецентр в Вильнюсе. Население оказало массовое противодействие захвату. Погибло 15 человек.

17 января – вооружённые силы США, Великобритании и других стран начали военную операцию по освобождению Кувейта под кодовым названием «Буря в пустыне».

20 января – демонстрация москвичей против применения силы в Вильнюсе. Более 100 тысяч участников (по другим данным – от 200 до 300 тысяч человек).

25 января – в СССР обнародован указ о совместном патрулировании в крупных городах МВД и армии.

19 февраля – в интервью Центральному телевидению Б. Н. Ельцин заявил, что отмежевывается от политики Президента СССР и требует его отставки.

24 февраля – многонациональные силы начали наземную фазу операции по освобождению Кувейта.

6 марта – президент США Джорж Буш объявил об окончании войны в Ираке.

10 марта – 500-тысячный митинг в Москве на Манежной площади. Главные лозунги акции – отставка Президента СССР Михаила Горбачёва, поддержка Бориса Ельцина, активное участие во всесоюзном референдуме. Организаторы: «Демократическая Россия», «Московское объединение избирателей», общество «Мемориал».

15 марта – вступил в силу Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. Таким образом, формально окончательно восстановлен суверенитет Германии после Второй мировой войны.

26 марта – опубликовано решение Кабинета Министров СССР о запрещении с 26 марта по 15 апреля 1991 года митингов и демонстраций в Москве.

28 марта – открытие III Съезда народных депутатов РСФСР. Ввод войск в Москву под предлогом защиты народных депутатов от «морального террора» демонстрантов, требование Съезда о выводе, многотысячная демонстрация и митинг на Садовом кольце. На следующий день войска выведены.

31 марта – в Грузии прошёл референдум о восстановлении государственного суверенитета. В референдуме

приняло участие 90,79 % избирателей, 99,08 % из которых проголосовали за восстановление государственного суверенитета Грузии.

9 апреля – во вторую годовщину трагедии (расправы над митингующими) в Тбилиси Верховный Совет Республики Грузия провозгласил государственный суверенитет Грузии и независимость от СССР.

Начался вывод советских войск из Польши.

20 мая – Верховный Совет СССР принял Закон «О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезда в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР», разрешавший свободный выезд граждан СССР за границу (вступил в силу с января 1993 года).

22–25 мая – погромы таможенных пунктов Латвии и Литвы рижским и вильнюсским ОМОНОм.

8 июня – Общенациональный конгресс чеченского народа провозгласил независимую Чеченскую Республику Нохчи-Чо. Начало двоевластия в Чечне.

12 июня – Борис Ельцин избран Президентом РСФСР. Первые всенародные выборы главы государства в России. Вице-президентом избран Александр Руцкой. Прошли первые выборы мэров Москвы (избран Гавриил Попов) и Ленинграда (избран Анатолий Собчак).

1 июля – в Праге (Чехословакия) официально расторгнут Варшавский договор. Завершён вывод советских войск из Венгрии.

18 августа – изоляция президента СССР М. С. Горбачёва в Крыму.

19–22 августа – создание Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). Объявление чрезвычайного положения в отдельных районах страны. Ввод войск в Москву. Обращение президента и правительства РСФСР «К гражданам России», в котором действия ГКЧП характеризуются как государственный переворот и содержится призыв к населению дать отпор «гэкачепистам». Начало массовых митингов и демонстраций в Москве.

22 августа – арест членов ГКЧП. У Белого дома состоялся многотысячный митинг в ознаменование победы демократических сил. На флагштоке над Белым домом впервые поднят российский флаг.

23 августа – Указ Президента Российской Федерации *«О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР»*.

24 августа – Михаил Горбачёв подал в отставку с поста Генерального секретаря ЦК КПСС и призвал ЦК КПСС объявить о самороспуске партии, а республиканские и местные организации – самим определить свою судьбу.

29 августа – Верховный Совет СССР приостановил деятельность КПСС на всей территории страны.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Ленинграду возвращено название Санкт-Петербург.

23 сентября – Свердловску и Загорску возвращены их исторические имена – Екатеринбург и Сергиев Посад.

27–28 сентября – прошёл XXII Чрезвычайный съезд ВЛКСМ, объявивший историческую роль ВЛКСМ истерпанной и распустивший организацию.

6 ноября – Борис Ельцин возглавил правительство реформ России, его заместителем стал Егор Гайдар.

1 декабря – президентские выборы на Украине и всеукраинский референдум о независимости. Президентом Украины избран Леонид Кравчук, а 90,32 % поддержали Акт провозглашения независимости Украины.

8 декабря – в Вискулях (Белоруссия) подписано Соглашение о прекращении существования СССР и о создании Содружества независимых государств (СНГ).

10 декабря – референдум о независимости Нагорного Карабаха от Азербайджана. 99,89 % участников референдума высказались за независимость, которая была провозглашена 6 января 1992 года.

16 декабря – Генеральная ассамблея ООН отменила своё решение 1975 года о том, что сионизм является расизмом.

25 декабря – переименование РСФСР в Российскую Федерацию по решению Верховного Совета РСФСР, смена советского флага на российский флаг над Кремлём, заявление Михаила Горбачёва о прекращении деятельности на посту президента СССР.

*

Из интервью с **Петром Авеном**, учился в 1967 – 1972 гг. («Одно из важнейших условий личного успеха – трезвая самооценка», журнал «Лехаим», май 2010, *беседовал Александр Иличевский*):

Вы учились в физико-математической школе № 2. У вас хорошие воспоминания о ней?

Школьные воспоминания у меня не просто хорошие, 2-я школа для меня – главное событие в жизни. Все жизненные ценности я воспринял там, и выбор профессии был осуществлён там же. Ничего похожего в жизни больше не было ни по атмосфере, ни по импульсу – читать, учиться. Я окончил школу в 1972 году, и в том же году 2-я школа де-факто прекратила существование – её разогнали. Именно тогда это и случилось – в мой выпускной год. То есть я учился там в её лучшие годы, и я поступил в тот один год из двух, когда набирали детей с шестого класса. Потом стали набирать позже – с седьмого. А я учился с шестого, в школу попал совсем маленьким и провел в ней пять лет жизни, захватил весь спектр её существования. С начала 1970-х происходили массовые отъезды за границу, в связи с чем начались атаки на школу.

Школа была разогнана после какого-то конкретного события?

Её разогнали из-за отъездов. После того, как ежегодно часть учеников стала уезжать за границу вместе со своими семьями, когда началась массовая эмиграция, школа оказалась под ударом. В 1971 году сняли директора школы Владимира Фёдоровича Овчинникова, а в 1972 году закрыли её окончательно, фактически

выгнали всех учителей. Произошла полная чистка: формально школа осталась, но учителей полностью «вычистили», прислали других и так далее. Я думаю, главная причина закрытия школы состояла в общем изменении политической ситуации в СССР. Наши крупнейшие учителя все уехали: математик Израиль Хаимович Сивашинский – в Израиль, уехал и Герман Наумович Фейн, словесник, мой учитель литературы Феликс Александрович Раскольников уехал в Америку...

2-я школа была чрезвычайно высококонкурентной...

В ваше время – поскольку вы моложе – такой огромной дистанции между 2-й школой и всеми остальными не было. В моё же время это была совершенно особая жизнь, в Москве была только одна такая школа. Как ещё одно серьёзное учебное заведение мы рассматривали 18-й физико-математический интернат – мы с ними конкурировали. Но мы были москвичи, а они нет. В Москве мы даже не видели, с кем ещё можно было бы конкурировать. 57-я школа ещё не начала работу в полную мощность, так что между нами и всеми остальными была огромная дистанция.

Можно сказать, что это была еврейская школа?

По составу учителей и учеников – да, во многом это была еврейская школа. Евреев там было существенно больше, чем везде. Хотя в процентном выражении, я думаю, евреев среди учеников было процентов двадцать. Не думаю, что больше. Но двадцать процентов для московской школы – это чрезвычайно много. Я думаю, процентов тридцать евреев было и среди учителей. На стенах школы окрестные хулиганы писали: «еврейская

школа», рисовали шестиконечные звёзды. Из соседнего ПТУ приезжали бить детей нашей школы, всё это было... Я помню всё о школе, помню всех учителей, помню спецсеминары. У нас были курсы, которые читали университетские профессора, являвшиеся родителями наших учеников, среди них были серьёзные физики и математики. Когда я пришёл, в школе преподавал Израиль Моисеевич Гельфанд, крупнейшая фигура в математическом образовании, преподавал Евгений Борисович Дынкин. 18-й интернат был связан с именем Андрея Николаевича Колмогорова, а у нас в школе были (когда-то) Гельфанд и Дынкин. Курс специальной теории относительности читал Анатолий Моисеевич Бродский, потом уехавший, сын которого учился со мной в классе. Ещё читал у нас физфаковский профессор Сталий Андреевич Лосев, а из гуманитариев преподавал Виктор Исаакович Камянов, крупный литературный критик...

Как вы относитесь к введению в школе предметов по религиозному образованию?

Я плохо отношусь к тому, что они навязываются. Если ребёнок хочет изучать, это собственное дело его и его родителей. Но заставлять учиться совершенно невозможно, особенно подпихивать какую-либо религию. Если кто-то хочет ходить в воскресную школу или после занятий заниматься каким-либо факультативом на религиозную тему – пожалуйста. Мои собственные дети учатся в католической школе в Англии. У них там нет религиозного образования в нашем понимании, там это называется *religious studies*: им, скорее, трактуют Библию в историческом контексте. То есть с точки зрения культурологии я ничего против не имею, когда религиозное образование осуществляется выбором ребёнка и родителей.

Вы резко отрицательно относитесь к коммунистической идее. Но если говорить о гипотетической ситуации, об идее справедливо устроенного общества, как вы его себе представляете?

Я считаю, что идея справедливо устроенного общества – это идея временная. Есть большая экономическая литература о том, что каждый технологический уклад имеет свою форму оптимального общественно-государственного устройства. Так как я агностик, мне кажется, что одна из полезных идей агностического сознания – это умение думать о том, о чём можно думать, и не думать о том, о чём думать бессмысленно. На сегодня я считаю, что западный, англо-саксонский капитализм, который мы наблюдаем, – это наиболее оптимальное устройство общества. Что будет, когда произойдёт конец света и наступит всеобщее изобилие, как тогда будет устроена жизнь, я не знаю. Я противник коммунистической идеи, но не стал бы спорить с тем, что в ней есть некоторый смысл. Думаю, во многих идеях было что-то разумное. Другое дело, что людей, которые эти идеи пропагандировали и воплощали, преследовала отчётливая неувязка их с реальностью...

2001

(две тысячи первый)

год по григорианскому календарю – невисокосный, начинающийся в понедельник. Это 2001 год нашей эры, 1 год 3 тысячелетия, 1 год XXI века, 1 год 1-го десятилетия XXI века, 2 год 2000-х.

Объявлен ООН Международным годом диалога между цивилизациями под эгидой ООН (резолюция ООН 53/22), добровольцев (резолюция ООН 52/17), мобилизации усилий для борьбы против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости (резолюция ООН 53/132).

23 января – групповое самосожжение на площади Тяньаньмэнь в Пекине.

1 марта – введён полномасштабный визовый режим между Россией и Грузией.

4 марта – в Афганистане талибы начали разрушение древних гигантских статуй Будды. В течение нескольких дней две статуи были разрушены полностью.

Большинство жителей Швейцарии проголосовали против присоединения страны к Европейскому союзу.

31 марта – на Пушкинской площади в Москве прошёл митинг в защиту свободы слова и телекомпании НТВ, организованный партией «Яблоко», СПС и Союзом журналистов России. В нём приняли участие 20 тыс. человек.

1 апреля – бывший президент Югославии Слободан Милошевич арестован на своей вилле в белградском районе Дединье в ходе полицейской спецоперации.

29 апреля – Госдума России приняла во втором чтении законопроект, разрешающий ввоз в Россию обогащённого ядерного топлива.

18 июля – Владимир Путин провёл в Кремле первую крупную пресс-конференцию для российских и зарубежных корреспондентов.

11 сентября – крупнейшая террористическая атака в Соединённых Штатах Америки. Два угнанные пассажирских самолёта уничтожили Всемирный торговый центр, погибло около трёх тысяч человек, в Пентагоне пострадало левое наружное крыло, погибло 125 человек.

12 сентября – на экстренной сессии Совета НАТО генсек альянса лорд Дж. Робертсон заявил о введении в действие (впервые в истории организации) ст. 5 Вашингтонского договора о создании блока. Статья предусматривает коллективную оборону для всех государств-участников в случае нападения на одно из них. Этот шаг явился прямым следствием происшедших накануне событий, связанных с террористической атакой на Нью-Йорк и Вашингтон.

1 декабря – в Москве на станции метро «Менделеевская» жестоко убит бездомный пёс Мальчик, убийство которого вызвало общественный резонанс и легло в основу памятника «Сочувствие».

13 декабря – президент США Джордж Буш официально уведомил Россию о выходе США из российско-американского Договора о противоракетной обороне от 1972 года. Путин назвал решение Буша ошибочным.

>>

Это было года через два после возвращения В. Ф. в родную Школу. Однокашник и друг позвонил мне как-то утром и попросил сопровождать его к Шефу «по крайне важному поводу». Школа тогда болезненно возрожда-лась, и Владимир Фёдорович в очередной раз подбирал новый учительский состав. Как стало известно, он толь-ко что пригласил на работу женщину, которая была хо-рошо известна моему другу, но известна с не самой луч-шей стороны.

Мы оба себя чувствовали неуютно: предстояло остере-гать, поправлять любимого и непогрешимого Шефа.

Он спокойно, даже как-то безучастно выслушал нас, немного помолчал и сказал: «Для меня сейчас наибо-лее важно, что эта дама – великолепный предметник. Я прошу вас, ребята, не слишком волноваться за меня и за школу. По крайней мере, в данном случае. Поверьте, я накопил изрядный опыт общения со всякого рода... ин-форматорами. Справлюсь как-нибудь».

*

В середине 2000-х, на исходе смутного декабря по всей Москве были развешаны огромные щиты с фото-графиями известных и значимых для страны людей, которые кратко поздравляли москвичей с новым го-дом. Невдалеке от метро «Коньково» я увидел над ули-цей знакомое лицо – и оторопел. Сразу помчался домой, схватил фотоаппарат и наскоро увековечил монументального Владимира Фёдоровича. Торопился потому, что боялся не успеть: вдруг прибегу через 10 минут, а щит уже сняли... Да и вообще: не померещилось ли?

Эта фотография, размещённая в Интернете, вызвала неожиданные для меня отклики. Некоторые однокашники написали издали, что и само плакатное соседство В. Ф. с казёнными временщиками, и наши восторги по поводу всего этого проекта – суть проявление безвкусыя и раболепия...

Помню, я тогда горячо спорил с критиканами. Сам не знаю, зачем. Я потом спросил у Владимира Фёдоровича, как он отнёсся к этому происшествию. Он сказал: «Не очень-то помню. Снимали какие-то. Говорили, что для новогоднего праздника. А что, кто-нибудь пострадал?..»

<<

*

В августе **2015** года состоялся показ фильма, который сначала назывался (или должен был называться) **«Вторая и единственная»**, а потом... Потом получилось нечто на тему *«Вторая школа как социологический эксперимент»*, который одни считают **«неудавшимся проектом»** (Леонид Радзиховский, выпуск 1971), другие – и **«главным событием жизни»** (Пётр Авен, выпуск 1972)...

«Мне жить мешают воспоминания, я всё время сравниваю»

(так говорит в фильме Владимир Овчинников, директор Второй школы с 1956-го по 1971-й, и с 2002-го по сегодня).

Мнение *Ирины Чайковской*:

...Картину показали 10 августа только на канале «Культура», причём в такое время, когда уже даже совы-взрослые видят не первый сон. Между тем, фильм касался школы, в нём выступали учителя и школьники, правда, те и другие – бывшие. Но какая разница? Вспоминали-то они о Школе. И этим учителям, и этим бывшим ученикам посчастливилось на своём пути встретить не вполне обыкновенную школу. Таких больше не было тогда и нет теперь, недаром её номер стал именем нарицательным. Речь идёт о легендарной московской Второй школе. Школе с физ-мат уклоном.

Возможно, нынешние поколения воспримут это наименование безразлично, не понимая, в чём дело. Люди же, родившиеся в 1950-60-х, должны на него среагировать. Вполне допускаю, что по-разному. Кто с завистливой ревностью и восхищением: повезло некоторым! Кто со смешком: советская элита! А кто и со злобой: «Маленький Иерусалим!»

Почему же фильм о школе, возникшей в самом начале «оттепели» (1956), просуществовавшей 15 лет, а затем – внимание! – после обсуждения на Бюро КПСС – закрытой в 1972 году, был показан поздней ночью, чтобы ни один «трудящийся», привыкший рано ложиться и вставать, не дай Бог, не увидел его на экране?

Уж не потому ли, что сегодняшняя Россия весьма напоминает советскую: та же боязнь свободных мыслей и слов, тот же страх перед вольнодумством и заграницей. А между тем, как говорит закадровый голос, большая часть тех, кто промелькнул перед нами в картине, живут ныне за границей, а именно в США. Что является чистой правдой, могу засвидетельствовать.

И даже имела возможность видеть сбор американских «второшкольников» по одному важному и замечательному поводу. Но об этом – дальше.

Сейчас же вернусь к самой картине. Назвать её бесспорной удачей не могу. Да, авторы ленты (режиссеры Федор Кудряшов и Иван Скворцов) собрали колоссальный материал, опросили многих, воспользовались архивными и домашними кадрами, засняли «второшкольников», заброшенных и в российскую глубинку, и в Майями, пришли на вечер сегодняшних старшеклассников...

Они структурировали материал, разбив его на части: «Территория свободы», «После уроков», «Дружба», «Диссиденты», «Эмигранты», «Итоги» и проч. Однако, по моему ощущению, фильм затянут, местами топчется на месте, какие-то кадры стоило бы убрать. И даже мне, человеку от кино далёкому, видно – какие. В этом смысле могу привести пример точного и скупого отбора документального материала: недавнюю ленту бывшего москвича, ныне бостонца Сергея Линкова «Толя Якобсон из Хлыновского тупика»...

Итак: фильм, непосредственно говорящий о феномене Второй школы. В те 15 лет, что были ей отпущены, на её территории осуществлялся своеобразный социальный эксперимент: школьникам предлагалось свободное постижение наук и искусств под руководством высокопрофессиональных наставников-асов. Атмосфера школы – свободная от догматизма и вранья – резко противоречила тому, что окружало детей и взрослых в СССР.

И для того, чтобы культивировать и сохранять эту атмосферу, директор школы-лицея Владимир Фёдорович Овчинников и её завуч и преподаватель литературы Герман Наумович Фейн, шли на всевозможные ухищрения. В фильме есть горестный рассказ Фейна о том, что существование «в двух мирах», необходимость балансирования на их границе пошатнули его психику, привели к психическому заболеванию.

Невольно приходит на ум сегодняшнее Сколково, искусственный оазис науки, чья деятельность, однако, не может проходить вне зависимости от общего устройства, несвободы и общественной подавленности. А если кругом технический разор, если Академия наук по сути разгромлена и оставшиеся на родине учёные думают не о решении научных задач, а об элементарном выживании, – никакое Сколково дела не изменит. Наоборот, уже доносятся слухи о сколковской коррупции, о неоправданных тратах... Печальный итог «эксперимента» несложно предугадать.

В фильме есть несколько особенно значимых для меня моментов.

Первый. Некто Саша Бейлинсон характеризуется Петром Авеном как «интеллектуальный гений»: в классе он был в состоянии уследить за мыслью высококолобого учителя-профессора, в то время как другие давно по-

теряли нить математического поиска. И вот перед нами сам Саша уже в наши дни, где-то на берегу то ли Гудзона, то ли Потوماка, то ли в Кремниевой долине. На вопрос интервьюера о Второй школе он говорит буквально следующее: «Математика... – она была не главное, главное – были стихи и литература».

Второй момент. Словесник Фейн рассказывает, как приходилось лавировать на уроках, ибо программу никто не отменял и нужно было изучать и роман «Мать», и «Поднятую целину». В этой связи я тоже вспомнила свой опыт, когда ко мне на урок по роману «Мать» неожиданно пришли районные методисты. Помню, как я показывала ученикам репродукции Мадонн Возрождения, а затем Владимирскую богоматерь... Как мы сравнивали подход к теме «мать и сын» в разных культурах. Методисты сидели с вытянутыми лицами, но в итоге всё сошло благополучно, они не стали ко мне придираться...

Третий момент. Не секрет, что контингент Второй был особый. Овчинников, человек широких взглядов, женатый на еврейке, принимал в школу независимо от того, что стояло в паспорте в пятой графе учителя или ученика. В школе было много евреев. Учитель физики рассказывает, что, впервые попав во Вторую, был поражен обилием людей, «ослабленных пятым пунктом» (чудесно сконструированный эвфемизм!)

Школа выпускала тех, кто стремился попасть на мехмат университета.

Но именно в конце 1960-х – начале 1970-х (в связи с победоносной Шестидневной войной и стартовавшей еврейской эмиграцией) евреям перегородили доступ в Московский университет. В фильме говорится о мехмате, но я добавлю сюда и филфак. В начале перестройки в журнале «Новый мир» был опубликован давнишний циркуляр, рекомендовавший не принимать лиц еврейской национальности на филфак МГУ. Я видела цирку-

ляр своими глазами, а за много лет до этого почувствовала его действие на своей шкуре, когда нас с сестрой, медалисток, заваливали на экзамене по литературе...

Про фокусы на экзамене по математике на мехмате МГУ я слышала из разных уст. В фильме рассказывает про «специальные» задачи для абитуриентов-евреев, повышенной сложности или практически не решаемые... Тема эта ветвится. Все же евреев не только не принимали в МГУ, их не брали в аспирантуру и на работу. Не эти ли притеснения и унижения стали одной из причин массового оттока из СССР, а потом из России еврейской молодёжи, учёных и просто людей, не желающих быть «вторым сортом» в своей стране?

В эпилоге картины показан выпускной вечер в сегодняшней Второй школе, где снова директорствует Овчинников... Он говорит интервьюеру об отсутствии в школе «гуманитарной среды», а я думаю о том, как долго нужно удобрять почву, чтобы на ней выросло что-то путное, и как легко сделать так, что не останется ни растений, ни самой почвы.

А ведь школа – это как раз то место, где почва создаётся.

*

По ходу наших бесед с Владимиром Фёдоровичем я всё время старался вызвать в его памяти то, что состоялось до *Школы*, до 1956-го. И он мне раз за разом отвечал: «До школы? Там и помнить особо нечего...»

Школа.

История

1956 – 1971

Основана в 1956 году в новом районе Москвы, на Большой Калужской улице, затем – Ленинский проспект.

Физико-математическая специализация школы началась с того, что было организовано прохождение производственной практики учениками по специальности «радиомонтажник» (а позже – «программист») в одном из институтов Академии наук СССР. Такое решение вызвало приток в школу детей сотрудников расположенных на Ленинском проспекте академических институтов. В свою очередь, родители этих детей привлекались в школу в качестве лекторов и преподавателей.

В школе не было младших классов (с первого по пятый), и за счёт этого удавалось содержать гораздо большее количество старших классов (с шестого по десятый), чем в обычных московских школах. Приём в эти классы производился на конкурсной основе по результатам собеседований.

Занятия по математике и физике часто вели выдающиеся учёные – Э. Б. Винберг, И. М. Гельфанд, Е. Б. Дынкин, Ю. Л. Климонтович, Ю. И. Манин и другие. Предметы гуманитарного цикла преподавали З. А. Блюмина, Г. А. Богуславский, Л. П. Вахурина, Ю. Л. Гаврилов, И. С. Збарский, В. И. Камянов, Т. Л. Ошанина, Ф. А. Раскольников, Н. В. Тугова, Г. Н. Фейн, А. А. Якобсон и другие. В школе функционировал театр, проходили публичные лекции и концерты. Таким образом, в школе образовалось сообщество неординарных учителей и учеников

со свободным взглядом на мир, на окружающую действительность. В связи с этим в 1971 году из школы с соответствующими взысканиями были уволены директор В. Ф. Овчинников и все его заместители. Владимир Фёдорович в день своего увольнения собрал всех работавших в тот день учителей и призвал их не покидать школу во имя сохранения коллектива и духа *Второй школы*. Тем не менее вслед за уволенными ушли и многие ведущие учителя. Однако *Вторая школа* продолжила своё существование. В знак протеста против увольнения директора ушли почти все завучи, математики Б. П. Гейдман, Г. А. Пистерман и физик Я. В. Мозганов. Большинство педагогов доучили выпускной класс и ушли из школы весной 1972 года.

1971 – 1992

Школа сохранила статус физико-математической (за исключением 1985 – 1988 годов). Среди тех, кто не оставил школу вслед за уволенным руководством, были учителя математики Зоя Михайловна Фотиева и физики Рудольф Карлович Бега, впоследствии 7-кратный Соросовский учитель, проработавший во *Второй школе* 42 года до смерти в 2002 году. Именно он все эти годы боролся за сохранение статуса физико-математической школы, препятствовал попыткам её коммерциализации в 90-е годы и воспитал множество учеников. Двое из них (чл.-корр. РАН В. В. Лебедев и д. ф.-м. н. И. Н. Хлюстик) стали его соавторами при написании учебника «Электростатика». Его именем названа открытая конференция учебно-исследовательских работ школьников, ежегодно проводимая во *Второй школе* с 2003 года.

Также не покинули школу учителя математики Г. А. Чувахина, физики – Г. А. Ефремова, В. В. Татарин, ан-

глийского языка – И. Я. Вайль и А. И. Даурова, физкультуры – И. А. Шелевич (работала по 2010 год). Все они составляли костяк её учительского коллектива.

Вновь набранные на место уволенных и ушедших учителей влились в коллектив школы и поддерживали её статус, хотя давление сверху продолжалось. Среди тех, кто пришёл в школу в эти годы: словесники Г. С. Тарицына и Г. И. Еселева, математик А. И. Балабанов, географ А. И. Алексеев, химик К. Е. Домео. Периодически назначались новые директора (5 за этот период), призванные нивелировать отличия от стандарта. Но по-прежнему большинство выпускников поступало в МГУ, МФТИ, МИФИ и другие ведущие вузы.

В 1979 году были введены младшие классы, что привело к уменьшению числа профильных физико-математических классов. К середине 80-х годов оставалось всего по два старших класса. Конкурсный набор сохранялся (за исключением 1980 и 1981 годов). С 1982 года один из двух старших физико-математических классов набирали в девятый класс, а не в шестой. С 1988 года набор младших классов был отменён. Также в 1988 году впервые после долгого перерыва имел место набор в седьмые и восьмые физико-математические классы. В том же году над школой взял шефство МФТИ.

1992 – 2002

В августе 1992 года школа была преобразована в Государственный лицей «Вторая школа». Директором лицея был назначен выпускник 1975 года Пётр Вадимович Хмелинский. В школу было привлечено значительное количество новых учителей: учителя математики С. И. Васянин, А. В. Васянина, М. А. Волчкевич, С. В. Резниченко, учителя физики А. Р. Зильберман (ум. в 2010-ом) и А. В. Кубышкин, учителя русского языка и литературы Н. И. Пегова и И. В. Селиванова, учитель истории Е. В. Те (ум. в 2014-ом), учитель биологии Ю. А. Рудик, учитель информатики В. В. Ильин. В школе была применена демократическая схема управления. Стратегическое руководство директора опиралось на профессионализм кафедральной системы по образцу вузовской. Кафедры возглавили ведущие учителя.

Все важнейшие решения школьной жизни принимались коллективно на Совете лицея, в состав которого входили директор, его заместители, все заведующие кафедрами, представители родительского комитета и позже – ученического коллектива. В школе была создана сильная психологическая служба, в одну из задач которой входил ежегодный мониторинг внутришкольного общественного мнения.

В 1997 году директор заявил об уходе. Далее последовал продолжительный период поиска нового кандидата на должность директора, в итоге летом 1998 года этот пост занял Александр Кириллович Ковальджи, выпускник 1973 года.

В 2001 году в школу вновь вернулся её самый первый директор – Владимир Фёдорович Овчинников. Он привлёк к решению проблем ряд выпускников школы первого периода её существования. Однако значительная

часть учителей (в основном преподающие на биохимическом отделении, около 20 человек) в 2002 году покинула школу. В дальнейшем набор в классы биохимического профиля не проводился.

*

2002 – и далее

С 2002 года по настоящее время руководителем Лицея «Вторая школа» является народный учитель Российской Федерации В. Ф. Овчинников. Лицей за последние годы сильно преобразился. Он выиграл грант президента РФ. Продолжает развивать физико-математическое направление. С 2014 года во «Второй школе» учатся 6 старших школьных классов. Набор в Лицей производится в 6-й (2 класса), 7-й (3 класса) и 8-й (1 класс) классы по результатам вступительных испытаний. В 2011 году впервые объявлен набор в 7-й физико-математический класс с расширенным преподаванием английского языка.

Также структурным подразделением Лицея, работающим в его стенах, является Вечерняя Многопредметная школа, «выросшая» из Вечерней Математической школы, многие годы работавшей на базе *Второй школы* даже в самые сложные её годы. В ВМШ с детьми 2–7 классов 1 раз в неделю занимаются «нестандартной» математикой, занимательной физикой, информатикой и русским языком. Преподают в ВМШ в основном действующие учителя и выпускники Лицея «Вторая школа».

Вторая школа последние годы организует Летнюю математическую школу, в которой в 2010 году побывало более 130 детей.

В Лицее 9-й год проходит ставшая традиционной открытая конференция учебно-исследовательских работ школьников имени Р. К. Бега, на которой второшкольники представляют свои работы, выполненные самостоятельно под руководством преподавателей. В апреле 2011 впервые прошла англоязычная конференция, где лучшие работы были переведены и представлены на английском языке.

Лицей продолжает входить в тройку лидеров московских школ, дающих качественное образование. Второшкольники систематически занимают призовые места на Всероссийской олимпиаде школьников по нескольким предметам (математика, физика, астрономия, информатика, география).

В настоящее время в Лицее два заместителя директора и более 15 преподавателей являются выпускниками *Второй школы*. По-прежнему все выпускники становятся студентами ведущих вузов страны и лучших вузов зарубежья. 2/3 из них поступают на бюджетные места различных факультетов МГУ (мехмат, физфак, ВМК, геофак).

*

В самом конце одной из наших поздних бесед Владимир Фёдорович дал ответы на три нестареющих вопроса:

*«Мне часто ставят в вину то, что мы (будто бы) намеренно готовим кадры для заграницы, которая и без нас процветает. Я полагаю, что мы делали и делаем всё, чтобы наши выпускники служили отечеству талантливо и самоотверженно. А **невыносимые условия для такого служения создают как раз наши верные недруги**».*

*«Уравнители всех мастей мечтают о ликвидации спецшкол. Я убеждён, что **никаких обычных школ вообще не должно быть**. Все обязаны быть специальными».*

*«Сам себя иногда спрашиваю, какой вывод предлагает мне долгая и нескучная жизнь, вся моя судьба, чей смысл (наверное) – упорное, отчасти созидательное, терпеливое сопротивление тупости. Он очень простой: **заменяемых нет**».*

*

В середине 2000-х, в ожидании 50-летия основания Школы, я попытался составить нечто вроде Конституции нашего второшкольного братства. Примером послужил Основной закон Виленской Заречной Республики, к созданию и переводу которого на русский язык я имел некоторое отношение.

>>

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ БРАТСТВА «ВТОРАЯ ШКОЛА»

Школа – держава без охраняемой территории, зато у неё есть столица. И население – это мы сами, наши дела и мысли.

Не мала и не велика, – она неизмерима, но в душе умещается. Носится в левой стороне груди.

Она жива, пока существует хотя бы один из её носителей.

Она оставляет за нами право на одиночество, но это не привилегия и не обязанность.

Её граждане могут быть знамениты и незаметны – ни то, ни другое не является непременным или запретным.

Её подданный обладает правом на убеждения и сомнения, но это ни в коем случае не обязанность.

За каждым признано право быть или оставаться несчастным.

У любого из нас есть право молчать.

У любого есть право верить.

У любого есть право на величие и ничтожность.

У любого есть право на какое угодно происхождение.

У любого есть право на будни и праздники.
Каждый вправе прощать и помнить.
Каждый вправе дарить и принимать дары и удары.
В истоке всего – любовь и свобода.
В итоге всего – любовь, свобода, память и благодар-
ность.

У любого есть право на слёзы.
Каждый вправе ничего не бояться.
Прописи не являются заповедями и законами.
Не засти, не затемняй никого.
Не оправдывайся.
Никогда не сдавайся

<<

*

*И совсем напоследок «Долгий звонок» от Булата
Окуджавы:*

Долгий звонок соловьём пропоёт в тишине,
всем школярам перемену в судьбе обещаю.
Может, затем, чтобы вспомнила ты обо мне,
перемена приходит большая.

Утро и ночь проплывают за нашим окном.
Хлеб и любовь неразлучными ходят по кругу.
Долгий звонок... Мы не раз ещё вспомним о нём,
выходя на свиданье друг к другу.

Время не ждёт... Что-то замерли все соловьи.
Годы идут. Осыпаются школьные стены.
Но до конца... Это, видимо, в нашей крови:
ожиданье большой перемены.

4 октября 2018

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

Работа по составлению биографических справок далека от завершения, поэтому мы просим прощения у всех, кто не найдёт сведений о сотрудниках школы, либо эти сведения окажутся неполными и неточными.

БЕГА Рудольф Карлович, 1933 – 2002. Окончил МАДИ, еще студентом преподавал электротехнику в школе № 60, затем преподавал физику в школе № 98, окончил Институт усовершенствования учителей и работал там методистом, в 1961 – 2002 преподавал физику во 2-й школе. Написал совместно с учениками И. Хлюстиковым и В. Лебедевым учебник по физике, который до сих пор не издан. Был автором и ведущим 40 учебных телепередач, автор учебных фильмов и диафильмов. Внучка Ирина училась во Второй школе.

БЛИНКОВ Александр Давидович, р. 1953, ученик 2-й школы в 1968 – 70, окончил матфак МГПИ, учитель математики 2-й школы в 2002/03 уч.г., один из учредителей Фонда друзей Второй школы. Зам. директора и учитель математики школы № 218, один из организаторов московских математических соревнований.

БЛЮМИНА Зоя Александровна (1924 – 2008), окончила «Ленинский» пединститут в 1946, работала в школе № 46 в 1949 – 62, учитель русского языка и литературы школы №2 в 1962 – 71 и завуч до 1971, сотрудник Московского института развития образовательных систем (МИРОС) в 1971 – 2004, многолетний руководитель методического семинара, автор программ по литературе.

БОГЕН Михаил Михайлович, учитель физкультуры 2-й школы до 1964, автор книг по методике подготовки бегунов.

ВАЙЛЬ Игорь Яковлевич (?1930 – 2001), учитель английского языка 2-й школы в 1966 – 89.

ВАЙСМАН Нина Юрьевна (Юдовна), р. 1933, окончила физмат МГПИ им. Потёмкина в 1955, один год преподавала в селе в Семипалатинской области, работала в московской школе № 169 в экспериментальном классе проф. Л. В. Занкова до 1966, преподавала математику во 2-й школе в 1966 – 73, работала в ВЗМШ 1973 – 2003, 1988 – 2001 зам. директора ВЗМШ. Дочь Инна окончила 2-ю школу.

ВАСИЛЬЕВ Юрий Маркович (1928 – 2017), выдающийся российский цитолог. Окончил 1-й Московский мединститут им. И. М. Сеченова (1949). Доктор медицинских наук (1962), профессор (1963). Заведующий лабораторией механизмов канцерогенеза Российского онкологического научного центра им. Н. Н. Блохина РАМН с 1962 по 2000; с 1963 по 2006 годы – профессор кафедры вирусологии биологического факультета МГУ и руководитель группы клеточных регуляций в Институте физикохимической биологии им. А. Н. Белозерского МГУ. Профессор Ратгерского университета в США. Приглашённый лектор более чем 20 университетов США, Великобритании и Израиля, приглашённый лектор многих международных конференций. Член-корреспондент АН СССР с 15.12.1990: отделение биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений (клеточная биология). Проводил вместе с И. М. Гельфандом занятия по молекулярной биологии и генетике во 2-й школе в 1967 – 70. Дочь Васильева Елена окончила 2-ю школу. Во Второй школе также учились внучка и правнук Ю. М. Васильева.

ВАХУРИНА Людмила Петровна, р. 1933, окончила истфак МГУ 1957, преподавала историю во 2-й школе в 1958 – 72, работала в школе № 425, работала инспектором РОНО, завучем в средней школе.

ВЕНДРОВСКАЯ Регина Борисовна, р. 1931, доктор педагогических наук, член-корреспондент РАО с 1995, учитель истории 2-й школы в 1967 – 69, эмигрировала в США. Сын Евгений Вендровский окончил 2-ю школу.

ВИНБЕРГ Эрнест Борисович, р. 1937, доктор физико-математических наук (1984), профессор кафедры высшей алгебры МГУ (1990), профессор Независимого московского университета (1991), заслуженный профессор МГУ. Специалист в области высшей алгебры, теории групп Ли, теории инвариантов .

ГЕЙДМАН Борис Петрович, р. 1939, заслуженный учитель РФ. Начал учительствовать в 1960, окончил матфак МГПИ им. Ленина в 1961, научный сотрудник ВНИИ Монтажспецстрой в 1964 – 69, учитель математики 2-й школы в 1969 – 71, учитель 19-й школы в 1971 – 80, учитель 57-й школы в 1980 – 83, учитель школы № 43 с 1986, организовал там первый математический класс, с 2001 зам. директора гимназии № 1543, соавтор учебников математики для начальной школы, автор брошюры «Площади многоугольников» и множества статей и интервью. Один из учредителей «Фонда друзей Второй школы».

ГЕЛЬФАНД Израиль Моисеевич (1913 – 2009), один из величайших математиков XX века, активный сотрудник университета Ратгерс (США). Занимался функциональным анализом, обобщёнными функциями, математической физикой и др. Внёс фундаментальный вклад практически во все области математики, много замечательных работ посвящено клеточной биологии и физиологии. Почетный член многих академий мира, лауреат самых престижных премий по математике, о его трудах написаны книги. Принял активное участие в создании 2-й школы и Заочной математической школы. В 1963 – 69 во 2-й школе читал лекции и организовал семинары, которые вели его ученики, привлёк много ярких лю-

дей и по другим предметам. На многие годы определил стиль и уровень преподавания в школе.

ДЫНКИН Евгений Борисович (1924 – 2014). В 1950-х профессор мехмата МГУ, специалист по группам Ли, алгебрам Ли и вероятностным процессам. В 1963 организовал при МГУ Вечернюю математическую школу (ВМШ), в 1964 – 66 – математический поток в школе №2. По его инициативе начал издаваться на ротапринте МГУ журнал «Математическая школа» – предтеча «Кванта». Журнал существовал в 1965 – 66. В 1967 за подписание письма в защиту Гинзбурга и Галанскова уволен с мехмата МГУ. В 1970-х эмигрировал, с 1976 – в США, член Национальной академии наук США.

ЕСЕЛЕВА Галина Ионовна, р. 1957, окончила МГПИ в 1979, после окончания института с 1979 учитель русского языка и литературы Второй школы. С 1996 по совместительству работает на подготовительных курсах РГГУ. Отличник народного образования.

ЕФРЕМОВА Галина Александровна, р. 1940, окончила МГПИ им. Ленина, учитель физики 2-й школы в 1963 – 97. Брат, дочь и племянник учились во 2-й школе.

ЗБАРСКИЙ Исаак Семёнович (1925 – 2004). В 1932 вместе с родителями переехал из Одессы в Москву. В 1942 призван в армию. Окончил Калининское военное училище. В 1946 демобилизован. В 1951 окончил с отличием факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института (МОПИ). В 1951/52 уч. г. учитель русского языка и литературы Ивантеевской средней школы Московской области. В 1952–57 преподаватель литературы в московском медицинском училище № 30. В 1957–71 учитель литературы школы № 2, руководитель школьного театра ЛТК. В 1967 сотрудник Института общего образования МО РФ (ранее НИИ школ МП РСФСР), с 1995 главный научный

сотрудник. В 1973 защитил кандидатскую диссертацию на тему «Связь классного и внеклассного чтения». С 1993 – доктор педагогических наук, профессор. Был председателем Государственной аттестационной комиссии в университетах и институтах Москвы. «Отличник народного просвещения РСФСР», награждён шестью медалями. Автор свыше 180 публикаций.

КАМЯНОВ Виктор Исаакович (1924 – 1997). Критик, литературовед, педагог. Участник войны. Учитель литературы 2-й школы в 1967 – 72. Сотрудник журнала «Новый мир». Книги: «Поэтический мир эпоса. О романе Л. Толстого «Война и мир»», «Доверие к сложности. Современность и классическая традиция», «Время против безвременья. Чехов и современность» и др.

КАНТОР Рувим Ехананович (1920 – 2010), работал в школе № 16, директор школы № 10 (2 года), учитель истории и завуч 2-й школы в 1956 – 62, работал в институте усовершенствования учителей в 1962 – 68, сотрудник журнала «Вопросы истории» с 1968. Привёл во 2-ю школу И. Х. Сивашинского. Дочь Полина окончила 2-ю школу и в ней работала.

КОВАЛЬДЖИ Александр Кириллович, р. 1956, учился во 2-й школе в 1971 – 73, окончил мехмат МГУ. Проверяющий ЗМШ 1973 – 78. Преподаватель ВМШ в 1978 – 98 на общественных началах. Сотрудник ЦЭМИ РАН 1978 – 98. Директор «Второй школы» в 1998 – 2001. Зам. директора лицея «Вторая школа» по научной работе с 2001. Соавтор сборников задач «Подготовительные задачи к Московской олимпиаде», «Московские математические олимпиады 60 лет спустя», «Как решают нестандартные задачи», «Московские математические олимпиады 1993 – 2005».

КОРЯКИН Владимир Иванович, учитель физкультуры в 1964 – 74.

КРАУЗ Александр Яковлевич (1951 – 2005), учился в школе № 122, ученик 2-й школы в 1965 – 68, окончил МИРЭА (Институт радиоэлектронной аппаратуры), инициатор и один из главных авторов «Записок о Второй школе».

КРУКОВСКАЯ Клавдия Андреевна, учитель химии 2-й школы в 1961 – 89. В 1979 вела химию и биологию.

КУШНЕР Галина Павловна, учитель химии 2-й школы в 1962 – 73.

ЛЕБЕДЕВ Сергей Алексеевич (1902 – 1974) – один из основоположников советской отрасли вычислительной техники, директор Института точной механики и вычислительной техники (ИТМиВТ) АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии.

ЛОБОДА-ЕФРЕМОВА Людмила Вячеславовна, р. 1943, окончила биохимический факультет МГПИ, отделение перевода. Один год проработала в английской школе № 7, затем в 1967 – 68 во 2-й школе. Работала 10 лет в институте защиты растений.

ЛОКУЦИЕВСКИЙ Олег Вячеславович (1922 – 1990). Окончил мехмат МГУ, куда поступил без экзаменов как победитель московской олимпиады 1941 года. После окончания аспирантуры работал в Институте прикладной математики АН СССР, где стал специалистом в области вычислительной математики. При этом продолжал заниматься топологией, защитил докторскую диссертацию по этой дисциплине. В 1964 начал читать курс «Методы вычислительной математики» на мехмате МГУ. После аспирантуры вёл в МГУ математические кружки для школьников. Во 2-й школе вёл занятия по спецматематике в 1965 – 69 и 1970 – 71, кавалер ордена Ленина, лауреат Государственной премии РФ.

ЛОСЕВ Сталий Андреевич, р. 1930, учитель физики 2-й школы в 1962 – 65 и в 1968 – 71, собирал на уроках труда радиоприёмники, проводил экскурсии в институт механики в лабораторию аэродинамических испытаний. Главный научный сотрудник, профессор, доктор физико-математических наук, член Европейской гиперзвуковой ассоциации. Заслуженный деятель науки РФ. Автор монографий, справочников и патентов. Два сына учились во 2-й школе.

МАКЕЕВ Алексей Филиппович, 1913 – 1979, в прошлом офицер, политзэк, участник Кенгирского лагерного восстания 1954 г. Учитель географии, тренер, начальник летних школьных лагерей 2-й школы в 1960 – 76.

МАНИН Юрий Иванович, р. 1932, профессор мехмата МГУ, лауреат Ленинской премии, читал в Школе, совместно Э. Б. Винбергом, лекции по «верхней математике» (по отзыву Вл. Эфроимсона: удивительного артистизма и интеллигентности человек, даже по меркам Второй школы). Член-корр. РАН (1991), член Королевской академии наук Нидерландов, Гёттингенской академии наук, академии «Леопольдина», Французской академии наук, Американской академии искусств и наук, Папской академии наук (Ватикан). Почётный доктор Сорбонны, Университета Осло и Уорикского университета. Один из основоположников некоммутативной алгебраической геометрии и квантовой информатики.

МОЗГАНОВ Яков Васильевич, р. 1932. В 1955 с отличием окончил физмат факультет МГПИ им. Потёмкина, преподавал физику в школе № 275. В 1962 – 68 работал в московских школах и в группе советских войск в Германии директором школы. 1968 – 71 – учитель физики в школе № 2. В 1971–90 работал в школах Москвы, в МГПИ им. Ленина, преподавал физику в автомеханическом институте. С 1991 работает в Тель-Авиве. Председатель правления педагогического центра МОФЕТ

(математика, физика, культура), организованного учителями школ бывшего СССР и профессорами московского происхождения. Главная школа центра Шевах-Мофет признана лучшей школой в Израиле. Многие ученики этой школы являются победителями международных олимпиад по математике и физике. Дочь Е. Мозганова окончила 2-ю школу, учитель математики.

НЕПОМНЯЩИЙ Валентин Семёнович, р. 1934, пушкинист, доктор филологических наук, читал лекции во 2-й школе в 60-е годы.

ОРЛОВ Александр Иванович, р. 1949, окончил школу №2 в 1966, руководил ВМШ. Профессор МГТУ им. Н. Э. Баумана и ряда вузов, директор Института высоких статистических технологий и эконометрики, президент Российской ассоциации статистических методов. Автор более 500 публикаций, в том числе 20 книг. orlov@professor.ru, www.antorlov.nm.ru, www.newtech.ru/~orlov

ОШАНИНА (ныне Успенская-Ошанина) Татьяна Львовна, р. 1937. Начала преподавать в 19 лет после окончания школы и двухгодичного педагогического училища. Работала в школе № 167 в экспериментальном классе под руководством профессора Л. В. Занкова. В 1962 – 72 преподавала литературу в школе № 2. После разгрома школы несколько лет работала в издательстве. С 1957 пишет книги.

ПЕТРОВСКИЙ Иван Георгиевич (1901 – 1973) – математик, деятель народного образования. Ректор МГУ имени М. В. Ломоносова (1951 – 1973). Академик АН СССР. Герой Социалистического Труда. Лауреат двух Сталинских премий.

ПОЛОНСКИЙ Валентин Михайлович, р. 1938, окончил био-хим. факультет МГЗПИ. В 1964 – 67 учитель биологии и химии в школе № 2. С 1970 в Институте теории и истории педагогики РАО, член Учёного совета ИТИП

РАО, МГУ ф-т психологии. Руководитель Центра общей и нормативной методологии педагогики Института теории и истории педагогики РАО, чл.-корр. РАО, доктор пед. наук, профессор, академик Академии образовательных наук Грузии. Автор 180 работ, в том числе 14 книг, монографий, словарей.

РАСКОЛЬНИКОВ Феликс Александрович (1930 – 2008). В 1947/48 учился в МГПИ им. Ленина (в 1948 исключён из ВЛКСМ и отчислен из института за «космополитизм»). В 1948 – 51 работал электромонтёром на строительстве и одновременно учился на заочном отделении МОПИ, который окончил с отличием. В 1951 – 54 учитель литературы в школе № 193, в 1954 – 59 – в школе № 167, в 1959 - 72 – в школе № 2, в 1972 – 76 – в школе № 45, в 1976 – 78 – в школе № 145. В 1979 под угрозой лишения права преподавания эмигрировал в Канаду. В 1979 – 86 жил в Торонто, где был рабочим на фабрике и одновременно учился в докторантуре Торонтского университета, где получил учёные степени магистра и доктора философии (PhD). С 1986 жил в США. В 1986-88 – профессор русской литературы и языка в Колгейтском университете, в 1988 – 90 в Университете Юга, в 1990 – 2006 в Мичиганском университете. Автор ряда статей в российских и иностранных журналах и книги «Статьи о русской литературе».

РОЗЕНБЕРГ (Хавкин) Александр Яковлевич, р. 1953, учился во 2-й школе в 1967 – 70, киномеханик школьного кинотеатра в 1969 – 70, преподаватель ВМШ в 1968 – 72, доцент, зав. лабораторией Института проблем нефти и газа РАН, профессор РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина. Автор открытия «Закономерность вытеснения нефти в пористых средах», более 300 печатных работ, 3 монографий и более 40 патентов. Действительный член РАЕН.

СЕВЕРИН Сергей Евгеньевич (1901 – 1993), выдающийся биохимик, академик. В 1932 – 48 профессор 3-го Московского медицинского института (ныне Рязанский медицинский институт). В 1935 организовал лабораторию, а с 1939 возглавил кафедру биохимии животных в МГУ. В 1945 – 47 директор института питания АМН СССР, а в 1948 – 49 – института биологической и медицинской химии АМН СССР. В 1949 – 57 академик-секретарь Отделения медико-биологических наук АМН СССР. Президент Всесоюзного биохимического общества (с 1969). Основные труды по биохимии мышечной ткани, роли азотистых экстрактивных веществ скелетной мускулатуры – карнозина и анзерина. Автор «Учебника по физической и коллоидной химии». Читал во Второй школе лекции по молекулярной биологии. Герой Социалистического труда. Награждён тремя орденами Ленина.

СИВАШИНСКИЙ Израиль Хаимович (Ефимович, 1909 – 1991). Родился на Украине в семье винодела. В 1936 окончил физико-математический факультет Киевского университета, куда поступил, не имея среднего образования. В 1941 – 43 служил офицером топографической службы на фронте, в результате контузии демобилизован. Преподавал математику: в 1943 – 45 в Школе военно-воздушных сил в Москве, в 1945 – 47 в станкостроительном техникуме, в 1947 – 60 в школе № 17, в 1960 – 69 в школе № 2. Больше 20 лет работал в Институте усовершенствования учителей, был методистом города. В 1965 – 71 издал 7 книг: «Как помочь детям учиться» (в соавторстве), «Элементарные функции и графики», «Задачник по элементарной математике», «Неравенства в задачах», «Задачи по математике для внеклассных занятий», «Пособие по математике для техникумов», «Теоремы и задачи по алгебре и элементарным функциям. В 1969 – 71 был активным борцом за право на свободную репатриацию в Израиль. Вёл кру-

жок по изучению иврита. В ноябре 1971 вместе с женой и двумя детьми уехал в Израиль, где в 1971 – 82 преподавал математику в Иерусалимском университете; издал несколько пособий по математике на иврите. Среди наград: орден Красной звезды, 1946, «Знак почета», 1951. Похоронен в Иерусалиме. Сын Григорий окончил мехмат МГУ, профессор Тель-Авивского университета; дочь Виктория окончила 2-ю школу и матфак Иерусалимского университета, ныне проживает в США; внук Моше докторант факультета компьютерных наук; внучка Эстер студентка экономического факультета в университете Оклахомы.

СИВЦОВ Анатолий Вадимович, р. 1952 в Москве в семье инженера-конструктора и врача-терапевта. Учился в школах № 695 (1959 – 60), № 109 (1960 – 67), № 2 (1967 – 69). Окончил геологический факультет МГУ по кафедре кристаллографии и кристаллохимии (1974). С 1974 работает в лаборатории электронной микроскопии (с 1997 – кристаллохимии) Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии Российской академии наук (ИГЕМ РАН). Специализируется в области просвечивающей электронной микроскопии. Соавтор примерно 250 научных публикаций. Прихожанин храма свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине. Основные интересы связаны с историей культуры, музыкой, литературой.

СИГАЛОВСКИЙ Наум Матусович (1907 – 2003). Окончил факультет автоматики и телемеханики Военной Академии. Участник Великой Отечественной войны. Награждён орденами Ленина, боевого Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны первой и второй степени, двумя орденами Красной Звезды и двенадцатью боевыми медалями. Осваивал первые, полученные от Англии, радары на Втором Белорусском фронте. После войны преподавал «Радарную аппарату-

ру» в Военной радиолокационной Академии. 7 лет был старшим преподавателем радарных систем радиофакультета Киевского Политехнического Института. Вышел в отставку в звании полковника. Преподавал физику во 2-й школе в 1961 – 71.

СМИРНОВ Сергей Георгиевич, р. 1945. Математик, историк, учитель. Окончил мехмат МГУ в 1968 и аспирантуру в 1971. Преподавал математику в школе № 2 (1966 – 82), потом историю в школе № 57 (1987 – 2004). Более 100 статей в журнале «Знание – Сила», 5 книг по истории, включая 3 задачника. Читает курсы в ИЖЛТ (Институт журналистики и литературного творчества): «Всемирная история» и «История науки».

ТИХОМИРОВА Валерия Александровна, р. 1941, окончила МГПИ им. Ленина, учитель физики 2-й школы в 1963 – 72, с 1972 зав. отделом физики журнала «Квант», преподавала физику в школах № 91, 19, 57.

ТУГОВА Наталья Васильевна (1928 – 2006), окончила МГПИ им. Ленина в 1950, учитель немецкого языка в вечерней школе г. Ялты в 1950–55, учитель русского языка, литературы и логики женской школы № 5 г. Ялты в 1955–57, полгода работала в московской школе №1, учитель литературы 2-й школы в 1957 –71, завуч 2-й школы 1960–71, затем 5 лет преподавала в школе № 118, потом 20 лет в английской школе № 38. Сын Андрей Фейн окончил 2-ю школу.

УШАКОВ Алексей Петрович, учитель математики 2-й школы в 1964 – 70.

ФЕЙН Герман Наумович (литературный псевдоним Герман Андреев), р. 1928. Литературовед, культуролог, публицист. Завуч 2-й школы и учитель литературы в 1966 – 71. Профессор в г. Ландау, Германия. Изданы книги ««Война и мир» Толстого (методика исследования и преподавания)», «Zwei Gesichter Russlands» («Два

лика России») на немецком языке, «Чему учил граф Лев Толстой», «Идея либеральной интеллигенции в творениях русских писателей первой половины XIX века».

Четверть века преподавал русский язык и литературу в различных школах Ялты и Москвы. Несколько лет вёл по московскому телевидению учебную программу по литературе. По его сценарию был снят учебный фильм «Ясная Поляна в жизни и творчестве Толстого». После эмиграции в 1975 в течение 25 лет преподавал русскую литературу и российское страноведение (история, философия, искусство) в немецких университетах Гейдельберга, Мангейма и Майнца. Был постоянным автором парижской газеты «Русская мысль», русской службы радио «Немецкая волна», журналов «Континент» и «Страна и мир», а после 1991 – «Новый мир», «Открытая политика», газеты «Сегодня». Более 200 публикаций в России и за рубежом. Один из основателей Летнего русского университета им. А. Д. Сахарова в Германии.

ФОРМОЗОВ Николай Александрович, р. 1955 – советский и российский териолог. Окончил биологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат биологических наук, бывший ведущий научный сотрудник кафедры зоологии позвоночных биологического факультета МГУ. Исследовал историю сопротивления в ГУЛАГе (особенно Кенгирское и Норильское восстания). Один из организаторов (совместно с обществом «Возвращение») конференций «Сопротивление в ГУЛАГе», проходивших в 1992, 1993 и 1994 годах. Живёт в Москве.

ФОТИЕВА Зоя Михайловна, ум. 2002, учитель математики и завуч 2й школы в 1963 – 84.

ХАЙКИН Моисей Семенович (1921 – 1990), профессор, член-корреспондент АН СССР с 1987, член-корреспондент РАН с 1991, создатель первых советских туннельных микроскопов. Читал лекции по физике во 2-й школе.

ХЛЮСТИКОВ Иван Николаевич, р. 1953, окончил МФТИ в 1976, начал вести семинары по физике во 2-й школе в 1972, ещё студентом. Доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник в Институте проблем микроэлектроники и особо чистых материалов, сотрудничает с Институтом физических проблем им. Капицы, занимается низкотемпературной сверхпроводимостью.

ЧЕБОКСАРОВА Ирина Абрамовна, учитель биологии 2-й школы в 1960 – 74.

ЧЕБОКСАРОВ Николай Николаевич (1907 – 1980), этнограф и антрополог, доктор исторических наук, профессор МГУ. Читал лекции по основам генетики во 2-й школе.

ШАБАТ Борис Владимирович (1917 – 1987), математик, доктор физико-математических наук (1961), профессор (1963). Родился в Москве, в 1935 году поступил на механико-математический факультет Московского университета. В 1940 году окончил Московский государственный университет, ученик М. А. Лаврентьева. Ещё до Великой Отечественной войны стал инвалидом (утратил правую ступню) и призыву не подлежал, но «обманул» военкомов и пошёл воевать добровольцем. В 1944 – 1957 годах работал в Московском энергетическом институте, с 1952 года работал в издательстве «Мир», с 1957 года – также в МГУ; читал лекции по математическому анализу во 2-й школе в 1967-71. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

ШАБАТ Георгий Борисович, окончил 2-ю школу (учился в 1967 – 70) и преподавал в ней. Доктор физико-математических наук (1999), профессор кафедры логико-математических основ гуманитарного знания отделения интеллектуальных систем Института лингвистики РГГУ. Сын Б. В. Шабата.

ЮСУФОВИЧ Лев Борисович, р. 1955, учился во 2-й школе в 1967 – 72, окончил МАИ, кандидат экономических наук, мастер спорта (самбо, дзюдо), учился в аспирантуре ЦЭМИ, работал в ВЦ ряда предприятий и банков, в 1997 переехал с семьей в Торонто (Канада). Главный специалист в кредитном департаменте Банка Монреаля. Занимается автоматизацией оценок рисков и кредитных стратегий. Брат Александр – выпускник 2-й школы.

ЯКОБСОН Анатолий Александрович (1935 – 1978), литератор, правозащитник, учитель истории и литературы 2-й школы в 1965 – 68. В 1973 был принуждён покинуть страну. Преподавал в Иерусалимском университете. Всё, что известно о его жизни и творчестве, можно найти на Мемориальной странице А. Якобсона

<http://www.antho.net/library/yacobson/index.html>

ФОТОГРАФИИ

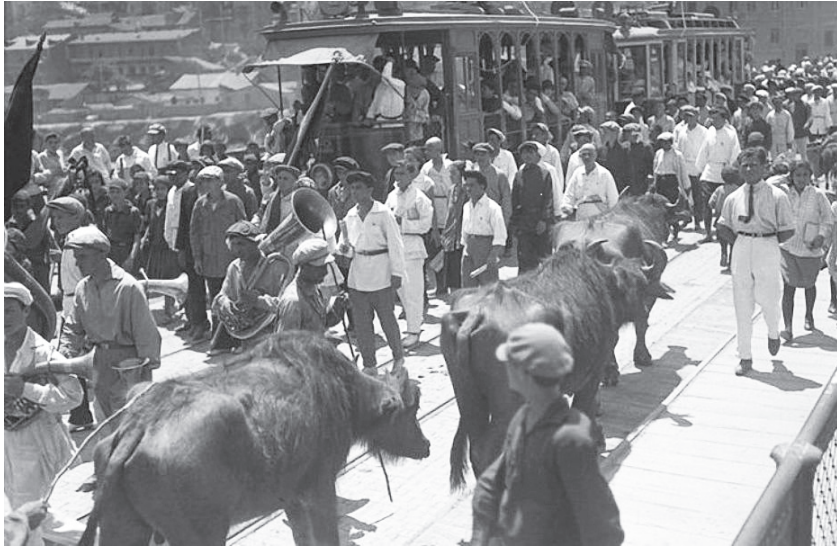
Москва в конце 1920-х годов



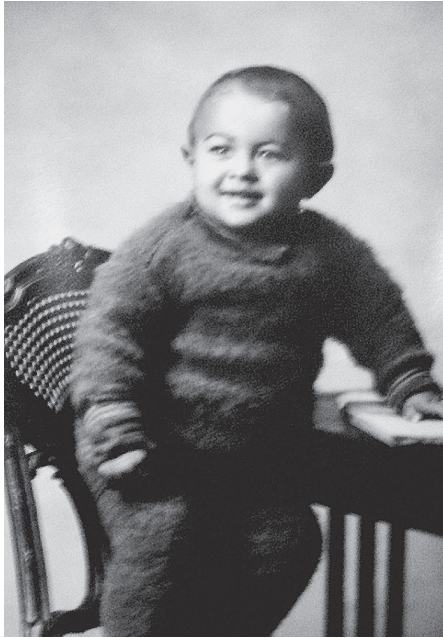












Володя Овчинников, 1929



Военный парад в Куйбышеве, 7 ноября 1941 г.





Главное здание и вестибюль МГПИ им.





Калуга летом и зимой 1950-х





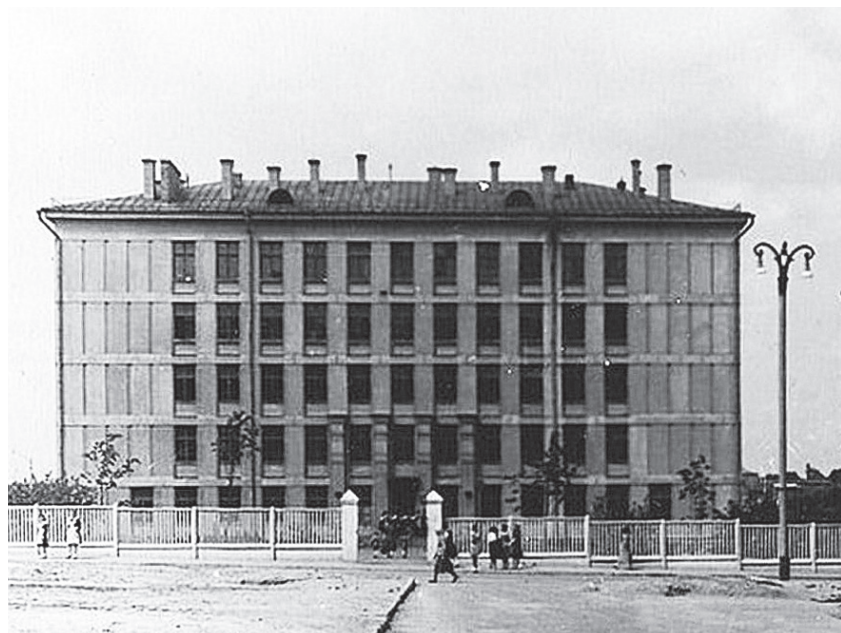
Москва, Калужская дорога, начало 1950-х



Ленинский проспект (б. Большая Калужская ул.),
в начале которого располагался Институт стали
и сплавов, а в конце (ныне – ближе к середине)
школа № 2

Середина 1950-х





В школах,
техникумах,
вузах начались
занятия
В добрый
час,
товарищи!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

2 СЕНТЯБРЯ 1957 Г.
ПОНЕДЕЛЬНИК
№ 207 (10 283)
ЦЕНА 20 КОП.

Газета Московского городского комитета
Коммунистической партии Советского Союза и Моссовета



Владимир Фролов выполнил пятилетнее задание

В субботу «Вечерняя Москва» писала о замечательной трудовой победе токаря завода контрольно-измерительных приборов Бориса Кочергина, выполнившего пятилетнее задание.

Сегодня с этого предприятия нам сообщили о большом успехе в труде товарища Кочергина — токаря Владимира Фролова. Выполняя свои социалистические обязательства, взятые в честь 40-летия Великого Октября, он сегодня завершил пятилетнее задание.

Владимир Фролов — автор многих рационализаторских предложений.

ПРИЕЗД ДЕЛЕГАЦИИ ЯПОНСКИХ ПРОФСОЮЗОВ

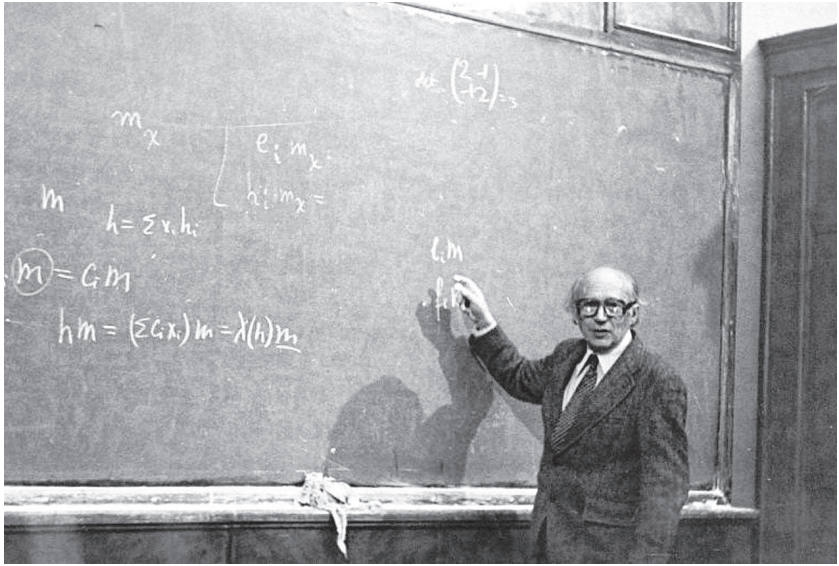
По приглашению ВЦСПС в Москву прибыла делегация японских профсоюзов во главе с генеральным секретарем Генерального совета профсоюзов Японии Ивара Иваси. Гости посетят ряд родов Советского Союза.



Вторая половина 1950-х

1960-e





И. М. Гельфанд









С И. Збарским и А. Макеевым



Вадим Делоне, 1966



Ленинский проспект в 1967 году



Выпускной 10 «А» класс ("мой", – Г. Е.), 1969



С З. Блюминой



И. Шелевич, Г. Фейн, В. Ф., Н. Тугова,
К. Круковская, А. Даурова



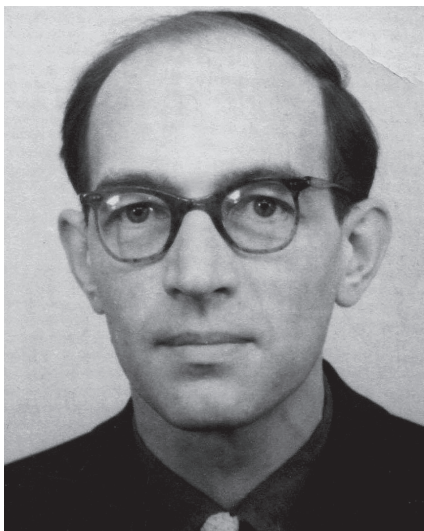
И. Я. Вайль, А. А. Якобсон, В. Ф. Овчинников



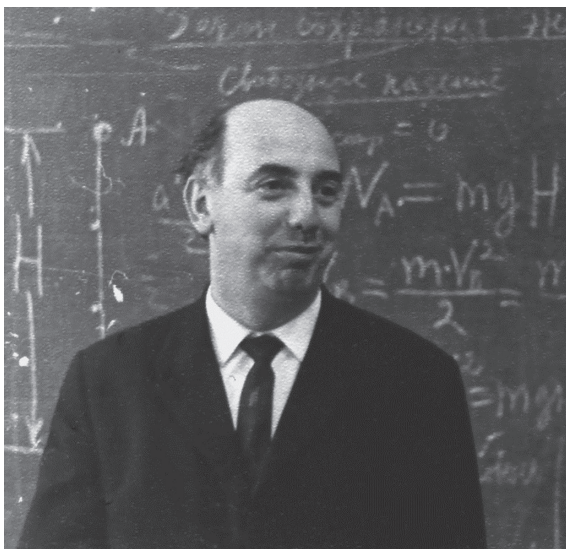
Б. В. Шабат, О. В. Локуциевский,
И. Х. Сивашинский



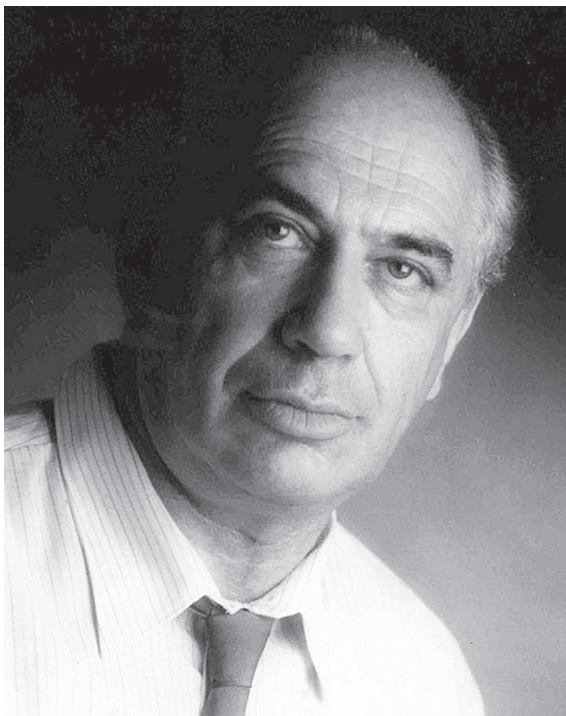
Евгений Борисович Дынкин



Олег Вячеславович Локуциевский



Яков Васильевич Мозганов



Герман Наумович Фейн

1970-е



Вручение памятного макета, 1971



Проводы Ф. Раскольникова (1979)



Ирина Григорьевна

1980-е и далее



С Натальей Васильевной Туговой (2002)





Юбилейный педсовет на сцене Дома учителя в 2002 г.:
с И. Збарским, Н. Туговой и Р. Кантором



С Л. И. Мильграмом, начало 2010-х







СОДЕРЖАНИЕ

Этот пунктирный текст...	7
КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ	9
1928 (исторический календарь)	11
Москва. И не только (первая беседа)	13
1941 (исторический календарь)	19
«Вы предполагали, что станете учителем?» (вторая беседа)	22
1952 (исторический календарь)	27
«Окуджава уже был там, в Калуге?» (третья беседа)	28
1953 (исторический календарь)	31
«А когда вы с Ирины Григорьевной поженились?» (четвёртая беседа)	33
1956 (исторический календарь)	37
Школа	42
1968 (исторический календарь)	51
«Разгон школы: как это было?» (пятая беседа)	52
Как оказался в Школе Алексей Филиппович Макеев	53
Ольга Мариничева, «Система Овчинникова» (фрагмент)	58
О Якобсоне и многих других, о многом другом... (шестая беседа)	60
Школа. Учителя	67
Исаак Семёнович Збарский	72
Феликс Александрович Раскольников	74
Людмила Петровна Вахурина	74

Татьяна Львовна Ошанина	75
Сергей Георгиевич Смирнов	76
Нина Юрьевна Вайсман	79
Школа. Ученики	80
Алла Смотрицкая	80
Валерий Храпов	80
* «Я по прошлому иду» от Булата Окуджавы	87
Надежда Харина	88
Георгий Попков	88
Александр Крауз	89
Лев Юсуфович, из статьи «Феномен 2-й школы – попытка анализа»	91
Анатолий Сивцов	94
Александр Блинков	97
1991 (исторический календарь)	99
«Одно из важнейших условий личного успеха – трезвая самооценка» (из интервью с Петром Авеном)	104
2001 (исторический календарь)	109
«Справлюсь как-нибудь» (два эпизода)	111
Мнение Ирины Чайковской о фильме «Вторая и единственная»	112
Школа. История	118
1956 – 1971	118
1971 – 1992	119
1992 – 2002	121
2002 – и далее	123
«Заменимых нет...»	125

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ БРАТСТВА «ВТОРАЯ ШКОЛА»	126
* «Долгий звонок» от Булата Окуджавы	128
БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ	129
Фотографии	145

ТОТ САМЫЙ
ОВЧИННИКОВ,
ИЛИ
НЕВОЗМУТИМОЕ
БЕССТРАШИЕ

Составитель и редактор
Георгий Ефремов (Юра Збарский)

В оформлении обложки использована акварель
Александра Шумцова [Воцмуш]